

ISSN 2072-5574

**ВОПРОСЫ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

№7 (133)

2019

Редакционный совет

А. П. Торшин — кандидат юридических наук, Заместитель председателя — статс-секретарь Банка России, Председатель редакционного совета журнала «Вопросы экономики и права»

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

А. Г. Лисицын-Светланов — доктор юридических наук, профессор, академик РАН, Институт государства и права Российской академии наук

В. Н. Викторов — доктор экономических наук, профессор, руководитель центра специал. программ С.-Петербург. горного университета

Ю. В. Голик — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права и криминологии Московской академии Следственного комитета Российской Федерации

С. Н. Сильвестров — доктор экономических наук, профессор, академик РАЕН, Директор Института экономической политики и проблем экономической безопасности, профессор Департамента мировой экономики и мировых финансов Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

А. А. Ливеровский — доктор юридических наук, профессор Кафедры конституционного и административного права НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге

Журнал включен в Перечень ВАК при Министерстве образования и науки Российской Федерации рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Учредитель: ООО «Экономические науки»
Адрес: 125057, г. Москва, Чапаевский пер., 3–775
E-mail: info@law-journal.ru
Сайт: <http://law-journal.ru>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-31419 от 6 марта 2008 г.

Подписной индекс 20387 (Агентство «Роспечать»)

ISSN 2072-5574

Дата выхода издания 31.07.2019

Формат 60x84/8

Усл. печ. л. 5.35

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии ООО «24 Принт»

Редакционная коллегия

Е. М. Ашмарина — доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия, Главный редактор журнала «Вопросы экономики и права»

О. Ю. Бакаева — доктор юридических наук, профессор кафедры финансового, банковского и таможенного права Саратовской государственной юридической академии

В. В. Болгова — доктор юридических наук, профессор, Первый проректор по учебной и воспитательной работе, зав. кафедрой теории и философии права Самарского государственного экономического университета

А. А. Павлушина — доктор юридических наук, профессор, Директор института права Самарского государственного экономического университета

С. А. Махошева — доктор экономических наук, профессор, Зав. отделом «Региональный менеджмент» Института информатики и проблем регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра Российской академии наук

А. М. Михайлов — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

В. В. Симонов — доктор экономических наук, профессор, Зав. кафедрой истории Церкви Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова

И. А. Шулятьев — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры международного и европейского права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

А. А. Алексеев — доктор экономических наук, профессор, Директор Центра инновационного развития, профессор кафедры экономики предприятия и производственного менеджмента Санкт-Петербургского государственного экономического университета

В. Ф. Понька — доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права, процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов

А. Г. Зельднер — доктор экономических наук, профессор Института экономики Российской академии наук

М. Ф. Гуськова — доктор экономических наук, профессор Института пути, строительства и сооружений Российского университета транспорта (МИИТ)

П. В. Павлов — доктор экономических наук, доктор юридических наук, доцент, директор Института управления в экономических, экологических и социальных системах Южного Федерального Университета

Р. И. Ханселяров — доктор экономических наук, профессор Самарского государственного экономического университета

Главный редактор

доктор юридических наук, профессор **Е. М. Ашмарина**

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА; ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Идрисов Х.В., Гайтамирова А.А. «Благотворительное» мошенничество: понятие, причины возникновения и способы профилактики	7
Идрисов Х.В., Сериева Х.М. Основания и условия наступления гражданско-правовой ответственности грузоперевозчика по договору перевозки грузов автомобильным транспортом	13
Агаронян Р.К. Проблемы определения условий исполнения гражданско-правовых обязательств	17
Фастова М.А., Иванова Т.М. Теоретико-правовые аспекты посредничества с позиции функциональной теории	22

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО; ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО

Кутафина В.В. Понятие оружия как товара в международном товарообороте	29
Милицкая К.Н. О возможности применения американского опыта в части ответственности органов управления и участников корпорации в российском законодательстве	33

ECONOMIC AND LAW ISSUES (АНГЛИЙСКАЯ ВЕРСИЯ)	39
--	----

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА;
ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ**

УДК 343

DOI: 10.14451/2.133.7

«БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЕ» МОШЕННИЧЕСТВО: ПОНЯТИЕ, ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И СПОСОБЫ ПРОФИЛАКТИКИ

© 2019 Идрисов Хусейн Вахаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Чеченский государственный университет, Чеченская Респ., Грозный
E-mail: huseyn23@rambler.ru

© 2019 Гайтамирова Асет Адамовна

студент-магистрант юридического факультета
Чеченский государственный университет, Чеченская Респ., Грозный
E-mail: nevajno_0095@mail.ru

Статья посвящена краткой истории зарождения благотворительности в России и правовому анализу понятия и механизма правового регулирования благотворительной деятельности. В статье на основе исследования преступлений мошеннической направленности в сфере благотворительности характеризуются и оцениваются различные аспекты уголовно-правовых деяний в указанной сфере, рассматриваются некоторые меры, направленные на профилактику и противодействие мошенническим действиям в благотворительной деятельности.

Ключевые слова: благотворительность, мошенничество, помощь, милосердие, сострадание, уголовно-правовые отношения, правовое регулирование.

На современном этапе развития российского государства активно развивается институт благотворительной деятельности как проявление становления гражданского общества и создаются предпосылки для её более широкого распространения. Как и любая сфера деятельности она нормативно урегулирована. Прежде всего речь идет о Федеральном законе от 11 августа 1995 года № 135-ФЗ «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» (далее — ФЗ № 135) [3], в котором установлены правовые рамки и формы благотворительной деятельности благотворительных организаций. Помимо ФЗ № 135, некоторые вопросы рассматриваемой деятельности регламентируются ГК РФ, НК РФ, Федеральным законом от 12 января 1996 года № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (далее — Закон о НКО) [4] и региональным законодательством субъектов РФ.

В соответствии со ст. 1 ФЗ № 135 благотворительная деятельность понимается как «добровольная деятельность граждан и юридических лиц, которая направлена на бескорыстную (безвозмездную, на льготных условиях) передачу имущества, в том числе и денежных средств, бескорыстное выполнение услуг, оказание дружной поддержки гражданам или юридическим лицам, нуждающимся в помощи» [3].

Понятие «благотворительность» или филан-

тропия имеет греческое происхождение (от греч. «филантропос» — «человеколюбие», «сострадание», «сердечное участие, помощь обездоленным»).

Не требует доказательства тот факт, что даже в самом благополучном государстве, всегда имеются лица, нуждающиеся в помощи, благотворительности и социальной поддержке. История развития социума свидетельствует, что в тех или иных формах, благотворительность в обществе присутствовала всегда. Благотворительность в её современном понимании появилась в конце XVIIвека, когда в ряде европейских государств были приняты первые законодательные акты о помощи неимущим. Сегодня исходным смыслом благотворительности является помощь неимущим и обездоленным [8, с. 27].

В истории российского государства изначально благотворительность существовала в качестве попечительства и помощи увечным, неимущим, сирым и престарелым. В качестве благотворительных организаций в России осуществляли деятельность бесплатные столовые, приюты для разных категорий населения, ночлежки, богадельни.

В период СССР государство полностью взяло под патронаж все вопросы благотворительной деятельности, при этом, само понятие «благотворительность» приобрело негативный смысл,

а частная инициатива в этой сфере была нивелирована, в силу того, что советская идеология не предусматривала такие проявления, как жалость и забота об обездоленных, которые считались унижительными для советского человека, строителя коммунистического общества. Советское государство было полностью патерналистским, что исключало любые виды благотворительности, а командно-административная экономика, предполагающая равенство советских граждан, исключала возможность гражданам быть меценатами или спонсорами.

Ситуация в сфере благотворительности начала изменяться только в период «перестройки» в середине 80-х годов прошлого века, когда начали возрождаться традиции благотворительной деятельности, следствием чего и стало принятие ранее упомянутого ФЗ № 135, а затем и Закона о НКО, которые изначально сформировали правовую базу для деятельности некоммерческих благотворительных организаций в новой России.

При этом сфера благотворительности сегодня — это область деятельности, в которой имеется множество проблем и неразрешимых противоречий, которые затрудняют процесс помощи населению, нуждающемуся в помощи (малообеспеченные семьи, инвалиды, нетрудоспособные и др.) [13, с. 7].

Благотворительная деятельность в России

выступает в самых разнообразных формах [15, с. 7] и представляет собой сложную систему, которую можно представить в качестве совокупности определенных, разнонаправленных структур и элементов, представленных на схеме 1.

Вместе с тем, с самого момента зарождения благотворительности как социального явления, эту сферу неустанно сопровождают и криминальные проявления, прежде всего мошенничество. Необходимо указать, что феномен мошенничества имеет давнюю историю, оно зародилось с появлением товарообмена, когда злоумышленники пытались извлечь максимальную выгоду для себя посредством обманных действий. С развитием государственности отмечается и рост преступлений мошеннической направленности. Безусловно, что законодатель всегда стремился повышать эффективность мер, направленных на пресечение подобных деяний, прежде всего увеличивая количество норм ответственности за преступления мошеннической направленности и стараясь оптимизировать их, что доказывает высокий уровень распространенности этих деяний. В современный период актуальность противодействия такому преступному деянию как мошенничество имеет тенденцию к все большему возрастанию.

Исследователи этого явления отмечают исключительную многообразность проявления

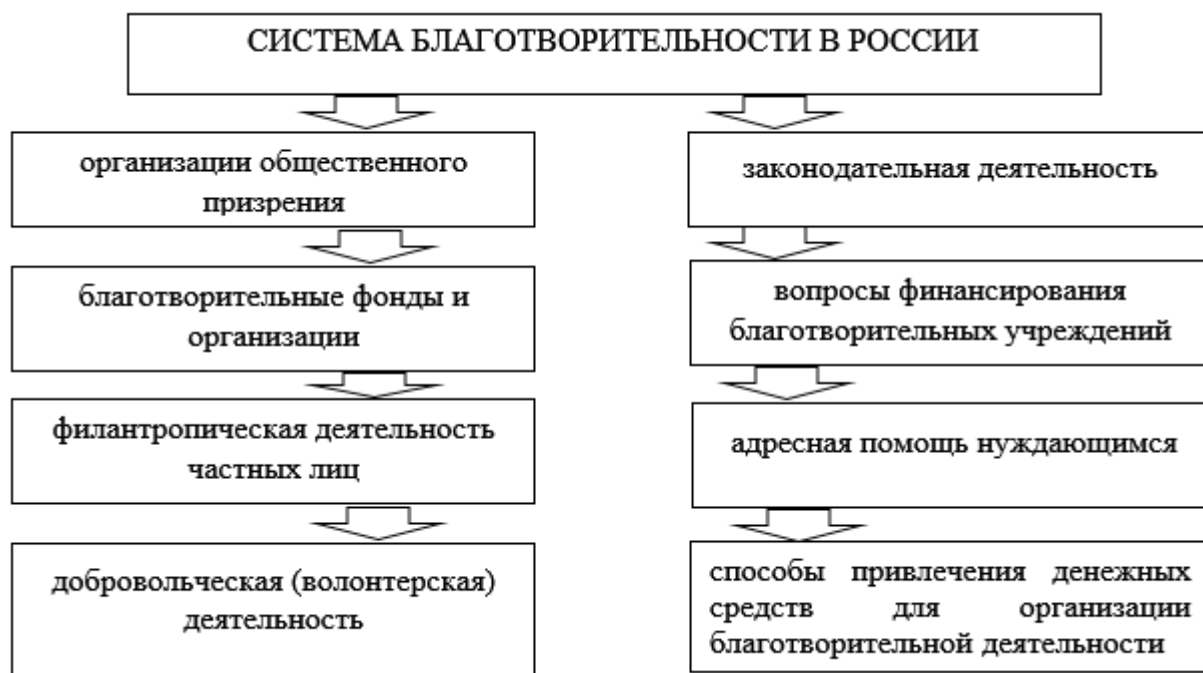

Схема 1 Элементы благотворительной деятельности в России [11].

мошенничества в самых различных сферах жизнедеятельности российского общества [14, с. 412]. Не является исключением и сфера благотворительности. Современные мошенники отличаются высоким уровнем адаптивности, способностью к модернизации мошеннических деяний, немалой смекалкой и общим уровнем интеллектуального развития. Этому в значительной степени способствуют и современные научно-технические достижения, прежде всего в сфере коммуникативных технологий, в частности широкое развитие интернет-технологий. Также к факторам, способствующим развитию явления мошенничества, можно отнести и возрастающие темпы экономического роста, активная эволюция института собственности, возрастание числа договорных отношений. При этом, новые формы приобретает человеческое общение, которое компьютеризируется и интегрируется. И если ранее, мошенники были вынуждены реализовывать свои замыслы, тратя на подготовку довольно длительное время, то сегодня, для того чтобы достичь аналогичного результата необходимо значительно меньше времени и ресурсов.

Статистические данные ГИАЦ МВД показывают, что несмотря на отдельные колебания в показателях по годам, количество зарегистрированных мошеннических действий в РФ по-прежнему имеет устойчивую положительную динамику. Так, в период с 2015 по 2018 год количество преступлений мошеннической направленности в России возросло с порядка 166 тысяч до 222 тысяч зарегистрированных преступлений. При этом, раскрываемость данных преступлений постоянно снижается: с 36% до текущих 17% от общего числа зарегистрированных и переданных в суд дел. Относительно всех зарегистрированных преступлений, доля преступлений мошеннической направленности в среднем остается стабильной и составляет около 6% [12]. Данный вид преступлений наносит значительный ущерб не только имуществу частных лиц, но и государству в целом. При этом специалисты отмечают и высокий уровень латентности, что обусловлено скрытым характером самого деяния.

Как правило, в качестве субъекта преступления мошеннической направленности выступают не маргинальные элементы — бродяги, алкоголики, безработные. Чаще всего в качестве организаторов мошеннических действий выступают лица имеющие достаточный уровень образова-

ния, жизненный опыт [9, с. 128]. Это опосредует необходимость более качественного конструирования норм, предусматривающих ответственность за мошенничество. На сегодняшний день среди теоретиков, также, как и среди юристов-практиков, отсутствует единство мнений по поводу трактовки видовой принадлежности и непосредственного объекта этого преступления, недостаточно четко определяется и вопрос о том, что следует относить к предмету мошенничества. Имеются и отдельные трудности по поводу характеристики состава преступлений мошеннической направленности, которые совершаются посредством приобретения права на чужое имущество. Отсутствует единство в понимании корыстной цели. В среде юридической общественности все чаще раздаются призывы о снижении возраста уголовной ответственности за мошенничество и т.д. Действительно, современная уголовно-криминальная практика подтверждает необходимость оптимизации уголовного законодательства в сфере противодействия мошенническим действиям.

В ст. 159 УК РФ [1], законодатель приводит дефиницию мошенничества, которая сформировалась еще в советский период, однако переход России на рыночные отношения потребовал переосмысления данного преступного деяния, с целью учета изменившихся социально-экономических условий и появления новых общественных отношений, не существовавших ранее. Для разрешения отдельных проблем был принят ФЗ от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2]. В частности, законодателем была дифференцирована ответственность за мошенничество в зависимости от сферы деяния (ст. 159.1–159.6 УК РФ).

Что касается мошенничества в сфере благотворительности, то сегодня всё большее распространение получают разновидности мошеннических деяний, которые совершают профессиональные преступники в этой области, так называемые «сборщики», которые под видом сбора средств на благотворительность занимаются криминальным обманом. При этом, за исполнителями данных преступных деяний стоят хорошо организованные группы мошенников-профессионалов. Общеизвестно, что, реализуя криминальный замысел в благотворительной сфере, мошенники пытаются влиять прежде все-

го на положительные качества личности потенциальной жертвы [6, с. 110]. Для этого разрабатываются специальные мошеннические сценарии, направленные на то, чтобы вызвать у потенциальной жертвы чувства сострадания и желания помочь нуждающимся. Разновидностей мошенничества в сфере благотворительности множество, но все они ведут к таким негативным последствиям, которые состоят в том, что люди, которые действительно оказались в трудной жизненной ситуации и нуждаются в помощи не получают ее или получают в меньшем объеме, в связи с тем, что потенциальные благотворители перестают реагировать на призывы о помощи [7, с. 66].

Представители теоретических кругов на основе эмпирических исследований фактов мошенничества в благотворительной сфере в качестве основной причины называют значительную имущественную дифференциацию в социальной структуре общества, которая в итоге опосредует антиобщественную направленность личности, которая пытается криминальными способами повысить уровень собственного благополучия [10, с. 76]. Таким образом, лица, склонные к девиантному поведению, не имея возможности удовлетворить возрастающие материальные потребности законным путем, прибегают к преступным способам их удовлетворения. При этом, противоречия между потребностями и возможностями их удовлетворения являются основной причиной корыстного мотива, который лежит в основе мошенничества. И именно благотворительность становится для таких лиц сферой наименьшего сопротивления для достижения корыстных целей.

В качестве условий, которые способствуют совершению мошеннических деяний в сфере благотворительности выступает целый комплекс негативных явлений, к которым относятся, прежде всего смена ценностных критериев, характерных для периодов политической и экономической нестабильности, корысть, предрасположенность к обману и др.

Наибольшее распространение в современный период в благотворительной сфере получили мошеннические деяния по незаконному получению денежных средств обманным путем. Недобросовестные предприниматели при помощи мошеннических действий регистрируют лжефонды, открывают счета в банках, получают и выдают незаконные кредиты, приобретают по

поддельным документам партии товаров, продают не принадлежащее им имущество.

Зачастую, мошенники, выдавая себя за ответственных должностных лиц, руководителей и представителей благотворительных фондов и иных организаций, входят в доверие к гражданам, юридическим лицам, государственным органам, реализуют разработанную мошенническую схему и заключают сделки, направленные на получение прибыли для собственных нужд, приобретают те или иные имущественные блага. При этом мошенники используют документы и бланки, заверенные фальсифицированными подписями, печатями и штампами. Известны случаи использования подложных финансовых поручительств и гарантийных писем.

Все большее распространение получает и такой приём как «клонирование» добросовестных благотворительных организаций. В таких случаях, под прикрытием бренда известного фонда, мошенники собирают средства для собственных нужд. Данные статистики свидетельствуют о том, что ущерб, причиненный мошенниками в некоторых случаях, сопоставим с ущербом от последствий краж, грабежей и других видов хищений [5, с. 178].

Следует обратить внимание и на появление в практике новых мошеннических действий, не укладывающихся в рамки действующего УК РФ. Например, интернет-мошенничества, когда лжеблаготворители собирают средства на лечение людей, чаще всего детей, не существующих в природе, или на финансирование несуществующих благотворительных организаций, для проведения мифических мероприятий, концертов, выставок и др. [16, с. 133].

Также мошенники создают копии сайтов, реально действующих и широко известных благотворительных фондов лишь с одним отличием — номером расчетного счета. При этом на этих сайтах могут публиковаться реальные фотографии и личные данные лиц, детей, которые действительно нуждаются в лечении или оказались в трудной жизненной ситуации, но средства, получаемые для помощи им, присваиваются мошенниками.

Активно используются для мошеннических схем в сфере благотворительности и аккаунты в известных социальных сетях («Одноклассники», «ВКонтакте», «Instagram», «Facebook»), где создаются фальшивые группы, в которых копируется информация из официальных групп, но предо-

ставляются фальшивые реквизиты для перечисления денег на номера электронных кошельков и собственных банковских карт.

Темпы научно-технического прогресса возрастают так быстро, что законодатель не успевает оперативно реагировать на появление новых видов преступлений, что вызывает трудности квалификации преступлений, то есть возникает коллизия, при которой противоправное деяние совершается, а соответствующей квалифицирующей статьи в УК РФ не имеется.

Для профилактики мошенничества в сфере благотворительности необходимо прежде всего исключить возможность неправильной квалификации и установления признаков, характеризующих мошенничество. Следует также минимизировать условия и причины совершения мошенничества в благотворительности с учетом того, что мошенничество в сфере благотворительной деятельности наносит не только финансовый, но и моральный ущерб обществу [6, с. 110].

Полагаем, что мошенничество в благотворительности должно быть отнесено к категориям преступлений, имеющих повышенную социальную опасность, так как зачастую, обманутые жертвователи, лишившись своих сбережений во имя благотворительности, утрачивают доверие и к другим членам общества, и в будущем отказываются участвовать в любой благотворительной деятельности. Поэтому, правы авторы, отстаивающие позицию, согласно которой, отношение законодателя к мошенничеству в сфере благотворительности должно быть ужесточено, посредством внесения соответствующих изменений в УК РФ.

Следует отметить и такую проблему, как отсутствие четкого закрепления в законодательстве критериев для определения статуса малообеспеченного или социально незащищенного лица. Именно поэтому не вполне понятно, помощь какой группе лиц является благотворительностью. Также негативным явлением можно признать отсутствие должного государственного контроля за благотворительной деятельностью [5, с. 178]. Не осуществляется официальный мониторинг средств, которые представители бизнеса вкладывают в благотворительность, не транслируется положительный опыт в этой

сфере, недостаточно информации об экономическом или социальном эффекте подобной деятельности, которая должна на постоянной основе размещаться в самых разнообразных СМИ.

В качестве проблем также можно выделить и то, что отсутствует отслеживание нецелевого использования гуманитарной помощи, неясны защитные механизмы, используемые государственными органами для предотвращения использования благотворительной деятельности в корыстных интересах. И главное, отсутствует контролирующий государственный орган, который был бы уполномочен регулировать и контролировать осуществление и развитие благотворительной деятельности [8, с. 28].

Помимо указанных проблем мошенничества в сфере благотворительной деятельности по отношению к организациям имеются и проблемы более узкого характера, которые также требуют разрешения. Это вопросы частной или личной благотворительности. Не секрет, что сегодня большая часть просящих помощи — это профессиональные попрошайки, в связи с этим возникает вопрос о личной ответственности каждого в принятии решения о взаимопомощи. Следует четко понимать, что, подавая профессиональным попрошайкам, человек напрямую финансирует криминальную среду. Мошенничество такого рода осуществляется четко организованными структурами, включающими ряд лиц-участников, и поэтому, отдельные исследователи относят эту категорию профессиональных попрошайек к организованной преступности. При наличии сомнения относительно конкретно-определенного «просящего», при наличии желания оказать помощь, следует удостовериться в том, что это лицо действительно нуждается и это подтверждается документально. Следует понимать, что люди, которые действительно нуждаются в помощи, чаще всего обращаются за помощью в благотворительные фонды, к организаторам акций и сборов денежных средств на законных основаниях.

В заключении констатируем, что милосердию всегда должно быть место в нашей жизни, но оно не должно быть направлено на поддержку «благотворительного» мошенничества.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ в ред. от 2 августа 2019 г.: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 24 мая 1996 г.; одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 5 июня 1996 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации»: федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ в ред. от 3 июля 2016 г.: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 17 ноября 2011 г.; одоб. Советом Федерации Федер. Собр. Рос. Федерации 29 ноября 2011 г. // Собрание законодательства РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.
3. «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)»: федеральный закон от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ в ред. от 18 декабря 2018 г.: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 7 июля 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3340.
4. «О некоммерческих организациях»: федеральный закон от 12 января 1996 г. № 7-ФЗ в ред. от 29 июля 2018 г.: принят Гос. Думой Федер. Собр. Рос. Федерации 8 декабря 1995 г. // Собрание законодательства РФ. 1996. № 3. Ст. 145.
5. Антонов И. О. Особенности выявления случаев мошенничества, совершенных при сборе средств на благотворительные цели в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» // Вестник ВУиТ. 2012. № 2 [76]. С. 177–182.
6. Берзина Н. Г. Благотворительность в России: уголовно-правовой аспект // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2016. № 1. С. 109–112.
7. Возмилкина Е. Н. Институт благотворительности в России: истоки, современность и перспективы развития // Новая наука: Стратегии и векторы развития. 2015. № 5–2. С. 65–68.
8. Жердева Н. И. Преступления, совершаемые под видом благотворительной деятельности // Российский следователь. 2005. № 5. С. 27–33.
9. Ицук Т. В. Контроль за благотворительной деятельностью и правонарушения в области благотворительной деятельности в Российской Федерации // Право: современные тенденции: материалы III Междунар. науч. конф. [г. Краснодар, февраль 2016 г.]. — Краснодар: Новация, 2016. С. 127–129.
10. Кузнецов А. П. Ответственность за специальные виды мошенничества: проблемы квалификации и разграничения со смежными составами // Преступления в сфере экономики: российский и европейский опыт: материалы совместного российско-германского круглого стола. — М., МГЮА. 2014. С. 75–85.
11. Панфилова Т. М., Свекровкина Е. А. Формирование системы института благотворительности в России // Материалы V Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум» URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013003712> (дата обращения: 25.09.2019).
12. Статистика и аналитика. Состояние преступности. Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 25.09.2019).
13. Тельных В. С., Шахназарян Б. А. Основные проблемы благотворительности в России и пути их решения // Таврический научный обозреватель. 2016. № 1–2 (6). С. 6–8
14. Филатова Я. С. Благотворительность сегодня: проблемы и перспективы / В сборнике: Социальная работа в современном мире: взаимодействие науки, образования и практики материалы VII международной научно-практической конференции. 2015. С. 410–413.
15. Хорева Л. В. История благотворительности в России: учеб. пособие / Л. В. Хорева, М. Д. Сущинская. СПб.: СП-ГУЭФ, 2009. 196 с.
16. Шхагапсоев З. Л., Тутуков А. Ю. Особенности выявления мошенничества в сфере компьютерной информации // Социально-политические науки. 2018. № 1. С. 132–134.

УДК 330.342

DOI: 10.14451/2.133.13

ОСНОВАНИЯ И УСЛОВИЯ НАСТУПЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГРУЗОПЕРЕВОЗЧИКА ПО ДОГОВОРУ ПЕРЕВОЗКИ ГРУЗОВ АВТОМОБИЛЬНЫМ ТРАНСПОРТОМ

© 2019 Идрисов Хусейн Вахаевич

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса
Чеченский государственный университет, Чеченская Респ., Грозный
E-mail: huseyn23@rambler.ru

© 2019 Сериева Хава Магомедовна

студент-магистрант юридического факультета
Чеченский государственный университет, Чеченская Респ., Грозный
E-mail: hserieva@mail.ru

В статье рассмотрены некоторые проблемы, возникающие в процессе доказывания виновности перевозчика по договору перевозки грузов автомобильным транспортом, в рамках привлечения его к гражданско-правовой ответственности. Кроме того, в статье отражена и оценена судебная практика по вопросам применения норм законодательства, касательно рассматриваемой области правоотношений, выявлены и подвергнуты анализу некоторые пробелы в действующем законодательстве в сфере правового регулирования договора перевозки грузов автомобильным транспортом и предложены пути решения исследуемой проблемы.

Ключевые слова: договор, перевозка, груз, ответственность, акт, Гражданский кодекс РФ.

На динамичное и эффективное развитие сферы экономических отношений существенное влияние оказывает деятельность по перевозке грузов, выступающая основой товарного оборота между субъектами экономических отношений. По критериям распространенности, доступности и экономичности первую позицию занимает перевозка грузов автомобильным транспортом. Подтверждением обоснованности занятия лидирующей позиции данным видом грузоперевозки выступают статистические данные, по которым на перевозку грузов автомобильным транспортом приходится около 80% общего объема грузоперевозок в РФ [1]. В этой связи, обоснованно возрастает роль автомобильной перевозки грузов на фоне развития экономических отношений страны в целом. Это же обстоятельство справедливо подчеркивает необходимость уделения особого внимания указанному виду перевозки, проблемам, возникающим в ходе осуществления деятельности по перевозке грузов таким видом транспорта, в целях нормального функционирования всей системы грузоперевозок в РФ.

Особое значение при рассмотрении данного вопроса имеет правовое регулирование в деятельности по перевозке грузов автомобильным транспортом. Исходя из этого, следует отметить,

что рассматриваемые правоотношения регламентированы:

- 1) Гражданским кодексом Российской Федерации;
- 2) Уставом автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта (Федеральный закон от 8 ноября 2007 года № 259-ФЗ);
- 3) Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2011 года № 272 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом;
- 4) иными нормативными правовыми актами.

В статье 785 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) закреплено понятие «договор перевозки», и определяется он как «соглашение, по которому одна сторона (перевозчик) обязуется доставить вверенный ему другой стороной (отправителем) груз в пункт назначения и выдать его управомоченному лицу (получателю), а отправитель обязуется уплатить за перевозку груз установленную плату» [2].

Вообще, особенностью договорных правоотношений является то, что они строятся не только на взаимных правах и обязанностях, но и на ответственности, наступающей в случае неисполнения обязательств по договору. Подчер-

кивая специфику договорных правоотношений, необходимо отметить, что именно возможность наступления ответственности для стороны договора является гарантом исполнения контрагентами условий и обязательств по договору. И напротив, совокупность проблемных факторов в указанной сфере создает затруднение нормальному развитию экономических отношений, оказывающие негативное влияние на товарный рынок в целом. Процесс доказывания ответственности перевозчика по договору перевозки груза автомобильным транспортом — явление, довольно-таки, сложное. Указанное обстоятельство обусловлено спецификой правового регулирования в рассматриваемой сфере.

В качестве общего основания наступления гражданско-правовой ответственности за неисполнение обязательств по договору выступает факт наличия гражданского правонарушения. Что касается конкретных оснований ответственности за неисполнения обязательств по договорам перевозки груза автомобильным транспортом, то такими по действующему законодательству выступают:

1) неподача транспортных средств. В указанном случае подразумевается, в том числе, предоставление транспортного средства, не соответствующего условиям, оговоренным в договоре перевозки;

2) утрата, недостача и повреждение груза;

3) нарушение сроков доставки грузов (просрочка);

4) невывоз груза по вине перевозчика.

В то же время, гражданское законодательство выделяет кроме оснований и условия, при которых наступает ответственность перевозчика. К ним относятся:

1) наличие убытков у грузополучателя;

2) неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства, иными словами неправомерное поведение;

3) наличие причинной связи между неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательства и ущербом. В данном случае, это условие имеет значение, когда ответственность выражается в возмещении убытков;

4) наличие вины перевозчика [3].

Перечисленные условия играют определяющую роль при рассмотрении вопроса ответственности перевозчика по договору перевозки груза и, соответственно, обуславливают необходимость последовательного их рассмотрения в

рамках процесса их доказывания.

Наличие убытков и факт установления неправомерного поведения контрагентом отражается в акте, который составляется в соответствии с положениями и требованиями гражданского законодательства Российской Федерации. Указанные положения и требования к форме и содержанию (элементам) такого акта закреплены в Постановлении Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2011 года № 272 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом» (далее — Постановление Правительства Российской Федерации № 272) [4].

Анализ правоприменительной практики показывает наличие ряда ошибок, допускаемых субъектами правоотношений при составлении вышеуказанного акта. Данное обстоятельство дополнительно порождает проблемы, приводящие к отсутствию, либо недопустимости таких доказательств, обосновывающих нарушения со стороны перевозчика.

В целях решения вопросов по рассматриваемой проблеме целесообразно рассмотреть группу типичных ошибок, выявляемых на этапе составления вышеуказанного акта.

Во-первых, как и к любому документу, к акту предъявляются требования относительно его формы. При этом внимание акцентируется и на наличии в нем обязательных реквизитов. Следовательно, несоблюдение формы акта и отсутствие необходимых реквизитов создает первоначальные предпосылки проблем в области доказывания вины перевозчика в рамках данного акта. В качестве подтверждения данного вывода следует привести вывод из Постановления Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23 мая 2013 года № А72–9184/2012 [5], в котором отражен факт непринятия судом вышеуказанного акта в качестве доказательства по делу по причинам отсутствия в нем необходимых реквизитов и подписей. Данный пример из судебной практики позволяет сделать справедливый вывод о важности наличия в акте даты, номера, подписи лиц, составивших запись о наличии повреждения автомобиля, без которых указанный акт не имеет доказательной силы в целях для уличения вины перевозчика, выражающейся в неисполнении или ненадлежащем исполнении обязательств в рамках договора грузоперевозки.

Необходимо отметить, что источником порождения этой ошибки является отсутствие со-

проводящих документов к акту, подтверждающих сведения, содержащиеся в нем.

Однако повторное обращение к правоприменительной практике показывает, что в некоторых ситуациях недостаточно только составление указанного акта. В число таких ситуаций входят споры об утрате, недостаче и повреждении груза. В этой связи, в соответствии с пунктом 83 Постановления Правительства Российской Федерации № 272 установлено, что в случае утраты или повреждения груза к акту должны прилагаться результаты экспертизы, определяющие размер фактических повреждений и недостачи [4].

Учитывая распространенность указанных проблемных ситуаций, возникающих по договору перевозки, необходимо установить причину частого отсутствия результатов экспертизы в таких делах. Отсутствие в судебных спорах данного вида доказательства объясняется тем, что процедура проведения экспертизы является материально затратной, и, соответственно, не все участники правоотношений могут себе ее позволить. Как показывает анализ судебной практики проведение экспертизы способствует установлению реальной суммы, подлежащей выплате истцу, в рамках гражданского судопроизводства. Таким образом, в целях устранения допущения перечисленных ошибок можно предложить нормативное закрепление оснований проведения экспертизы по спорам об утрате, недостаче и повреждении груза.

Во-вторых, следующая группа допускаемых ошибок связана с содержанием акта. Анализ судебной практики по данному вопросу показывает: непринятие акта судами во многих случаях в качестве доказательства связано по причине его оформления в отсутствие водителя транспортного средства, либо по причине содержания в нем только общих формулировок.

В-третьих, выделяются типичные ошибки, имеющие непосредственную связь с доказыванием ответственности перевозчика. Рассматриваемая группа ошибок носит в большей степени процессуальный характер. Пунктом 80 Постановления Правительства Российской Федерации № 272 установлен уведомительный порядок составления акта [4]. Несоблюдение уведомительного порядка составления акта также относится к одной из типичных ошибок, влекущих за собой проблемность в процессе доказывания вины перевозчика по договору перевозки грузов автомобильным транспортом.

Учитывая вышеизложенные обстоятельства, при разборе условий наступления ответственности перевозчиков по договору перевозки, следует учитывать, что доказательство наличия убытков рассматривается лишь как одно из условий возложения ответственности на перевозчика в совокупности с другими необходимыми условиями.

Исходя из общетеоретической составляющей вытекает положение, согласно которому лишь факт обнаружения поврежденного груза еще не является свидетельством противоправности поведения перевозчика. Таким образом, можно сделать справедливый вывод о невозможности возложения на перевозчика ответственности за повреждение груза, при условии выполнения им всех требований, направленных на сохранность груза, доставленного с повреждениями. В целях возложения ответственности на перевозчика, по общим правилам, в указанном случае должна быть доказана причинная связь между неправомерными действиями перевозчика и фактом повреждения груза (причиненными убытками).

На практике установление вышеуказанной причинной связи не обременено какими-либо трудностями в случае подробного закрепления сторонами в договоре условий и порядка перевозки. Рассматриваемое условие носит важный прикладной характер, поскольку детальное регламентирование существенных условий является гарантией эффективного доказательства вины стороны, допустившей отступление от условий договора. При этом, доказывание такого элемента как «вина» так же не вызывает существенных затруднений на практике. В Постановлении Президиума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 14 декабря 2010 года № 9587/10 признается, что «вина перевозчика презюмируется и на нем лежит бремя доказательства того, что потеря груза, его повреждение или опоздание были вызваны обстоятельствами, указанными в пункте 2 статьи 17 Конвенции» [6]. Данное положение из судебной практики позволяет предположить об отсутствии существенных затруднений при доказывании вины перевозчика по делам об ответственности перевозчика за нарушение условий договора перевозки.

Помимо вышеизложенного, следует указать на еще одну из уязвимых сторон с точки зрения действующего законодательства, состоящую в неохотном применении судами норм статьи 796 ГК РФ и пункта 5 статьи 34 Устава автомо-

бильного транспорта и городского наземного электрического транспорта, регламентирующих случаи снятия с перевозчика ответственности за несохранность груза [7]. Таким образом, доказывание этих обстоятельств также носит неоднозначный характер.

И наконец, целесообразно выделить из совокупности рассмотренных выше условий одно, несомненно имеющее наиболее важное, существенное значение в рамках процесса доказывания. В качестве такого условия выступает обязанность доказывания наличия убытков и факта правонарушения со стороны перевозчика. Источником возникновения проблемных моментов с этой точки зрения является составление акта, не соответствующего установленным требованиям, фиксирующего обстоятельства несоблюдения сторонами условий договора перевозки.

В качестве вывода по статье укажем на следующие основополагающие моменты. Отсут-

ствие утвержденной формы акта, фиксирующего неисполнение (ненадлежащее) обязательства, можно рассматривать как пробел в действующем законодательстве. Пути решения данной проблемы видятся в закреплении на законодательном уровне формы такого акта, в котором будут отражены вопросы наличия убытков и факт ненадлежащего исполнения своих обязанностей перевозчиком. Помимо этого, в целях недопущения пробелов относительно содержания формы акта необходимо четко определить структуру и обязательные элементы указанного акта.

Таким образом, утвержденная форма акта будет носить вспомогательный характер в доказательственной базе для судов при рассмотрении споров по договорам грузоперевозок, возложении ответственности на виновное лицо и окажет положительное влияние на развитие института грузоперевозок в целом.

Библиографический список

1. Горев А.Э. Грузовые автомобильные перевозки: учебное пособие для студентов высших учебных заведений / 5-е изд., испр. М.: ИД Академия, 2008. — 288 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 09.07.2019).
3. Егизаров В.А. Транспортное право: учебник / 8-е изд., доп. и перераб. М.: Юстицинформ, 2015. — 592 с.
4. Постановление Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2011 года № 272 «Об утверждении Правил перевозок грузов автомобильным транспортом» // Электронный ресурс // СПС «Гарант» // URL: www.garant.ru (дата обращения: 09.07.2019).
5. Постановление Одиннадцатого арбитражного апелляционного суда от 23.05.2013 г. по делу № А72-9184/2012 // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 01.07.2019).
6. Постановление Президиума ВАС РФ от 14.12.2010 № 9587/10 по делу № А31-6093/2009 // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 06.07.2019).
7. Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ (ред. от 30.10.2018) «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта» // Электронный ресурс // СПС «Консультант Плюс». URL: www.consultant.ru (дата обращения: 07.07.2019).

ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ УСЛОВИЙ ИСПОЛНЕНИЯ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ

© 2019 Агаронян Роза Карпетовна
аспирант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара
E-mail: roza.agaronyan91@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы определения условий исполнения гражданско-правового обязательства. Были проанализированы источники, в которых закрепляются требования надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств. К таковым относятся: обязательства, закон, иные правовые акты, обычаи или иные обычно предъявляемые требования. Определены конкретные условия надлежащего исполнения обязательств, которые направлены на прекращение обязательств и которыми являются: надлежащее лицо; надлежащее исполнение при множественности лиц в обязательстве; надлежащее место; надлежащий предмет; определенный срок; надлежащий способ исполнения обязательства. Проведенный анализ позволил выделить признаки условий исполнения гражданско-правовых обязательств и сформулировать его определение.

Ключевые слова: гражданско-правовые обязательства, исполнение гражданско-правового обязательства, надлежащее исполнение гражданско-правового обязательства, условия исполнения гражданско-правового обязательства.

Сущность любого гражданско-правового обязательства заключается в его исполнении [30, с. 6]. В противном случае речь следует вести о мнимой сделке, осуществление которой может иметь формальное исполнение, не имеющее правовых последствий (п. 86 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Постановление № 25 [8]).

Вопрос о правовой природе исполнения гражданско-правового обязательства является дискуссионным и имеет несколько подходов. Так, одни ученые исполнение обязательств понимают как фактические действия сторон [18, с. 498–499; 21, с. 49]; другие — как юридический поступок, при котором достижение юридически значимого результата наступает в независимости от субъективного момента [22, с. 154, 157–158]; третьи — как сделку [14, с. 11; 33, с. 24; 12, с. 34; 23], четвертые — как сделкоподобные действия [19, с. 7], пятые — как юридический факт особого рода, не являющийся ни сделкой, ни поступком [34, с. 190]. Встречается в доктрине смешанный подход, рассматривающий исполнение гражданско-правовых обязательств в одних случаях, когда это возможно, как сделку, а в других — как фактические, юридические действия [16, с. 87–90; 11, с. 20]

или юридический факт [36, с. 49].

Однако в независимости от выбранного подхода к пониманию и природе исполнения гражданско-правового обязательства, в любом случае его исполнение не возможно без установления условий его надлежащего исполнения.

Категория «условия исполнения гражданско-правовых обязательств» не является научно-обоснованной. Ученые-цивилисты определяют только источники установления требований к надлежащему исполнению обязательств [17; 20] и перечень таких условий, без которых исполнение невозможно [25, с. 175–177; 31, с. 78–86; 32, с. 41–46; 28; 29].

Если обратиться к этимологии слова «условие», то в своем словарном значении оно имеет несколько определений и понимается как: 1) обстоятельство, от которого что-нибудь зависит; 2) требование, предъявляемое одной из договаривающихся сторон; 3) устное или письменное соглашение; 4) правила, установленные в какой-нибудь области жизнедеятельности; 5) обстановка в которой что-либо происходит [26, с. 588].

Иными словами, условие — это требование, правило, изложенное в устной или письменной форме и регулирующее какую-либо область общественных отношений.

Как уже было отмечено выше, требования к

надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств излагаются в соответствующих источниках, которые конкретно перечислены в ст. 309 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [1] и к которым относятся:

- обязательства;
- закон;
- иные правовые акты;
- обычаи или иные обычно предъявляемые требования в случае отсутствия выше указанных источников.

Как можно заметить иерархически законодатель установил требования в зависимости от метода регулирования. При этом, если исходить из анализа пунктов 1–4 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» (далее — Постановление № 16) [9], то все нормы действующего ГК РФ являются диспозитивными в зависимости от указания на это в тексте соответствующей статьи. Императивными же являются те нормы ГК РФ, в которых прямо на это указано (п. 2 Постановления № 16). Однако, общие требования к участникам гражданского оборота, установленные статьями 1, 10, 307 ГК РФ, являются обязательными при исполнении любых гражданско-правовых обязательств.

Требования, установленные в иных правовых актах (технические регламенты, инструкции, правила эксплуатации, стандарты) в одних случаях обязательны для всех, в других — только для организаций, принявших данные правовые акты.

В случаях, если требования не установлены обязательством, законом или иными правовыми актами, то в этом случае применяются обычаи или иные обычно применяемые требования. Понятие обычая имеет легальное определение в ст. 5 ГК РФ, в соответствии с которой, «обычаем признается сложившееся и широко применяемое в какой-либо области предпринимательской или иной деятельности, не предусмотренное законодательством правило поведения, независимо от того, зафиксировано ли оно в каком-либо документе». Так, толкование торговых терминов зафиксировано в Международных правилах «Инкотермс 2000» [4], правила по инкассо и для документарных аккредитивов — в соответствующих Унифицированных правилах [5; 6]. Однако на практике могут применяться обычаи, которые формально не закреплены, обязанность доказательств которых лежит на стороне на них

ссылающейся (ст. 56 Гражданско-процессуального кодекса РФ (далее — ГПК РФ) [2] и ст. 65 Арбитражно-процессуального кодекса РФ (далее — АПК РФ) [3]).

Следует обратить внимание на то, что в отличие от обычая, понятие «обычно применяемые требования» законодательно не определено, что вызывает разночтения, как в доктрине, так и на практике. Одни ученые отождествляют обычно применяемые требования с обычаями [29, с. 68]. Другие считают данные понятия близкими, но не синонимами [13, с. 54]. В частности, В.А. Хохлов, обращая внимание на общую этимологию данных слов, различает их как семантическое, так и правовое значение [35]. Третьи, полагают, что оценочность понятия «обычно применяемые требования» заключается в невозможности законодателем предусмотреть все возможные требования [24]. Встречается в цивилистике мнение, согласно которому, иные обычно предъявляемые требования оценивают качество исполнения обязательств, не связанных с предпринимательской деятельностью [10]. Однако, такое понимание обычно предъявляемых требований сужает сферу их действия. Действительно, на практике к обычно применяемым требованиям относят деловые обыкновения, обычную практику отношений сторон [17], определенные правила поведения, требования к объекту договорного регулирования, которые могут быть прямо указаны как в законе, так и в конкретном договоре, но квалификация их в качестве таковых отдана на усмотрение сторон [27], либо решается судом на основе норм права, условий заключенного договора и с учетом фактических обстоятельств дела [15, с. 4–17].

В целом же, применение обычаев и иных обычно применяемых требований является своего рода одним из способов восполнения пробелов, имеющих в договорной или законодательной регламентации требований к исполнению гражданско-правовых обязательств.

Таким образом, в рассмотренных источниках устанавливаются конкретные требования к надлежащему исполнению гражданско-правовых обязательств. В.А. Хохлов называет такие требования критериями надлежащего исполнения обязательств [35].

Однако, в цивилистике отсутствует единообразное мнение относительно перечня конкретных требований надлежащего исполнения гражданско-правовых обязательств.

Зачастую к таковым относят:

- субъект исполнения гражданско-правового обязательства;
- предмет гражданско-правового обязательства;
- сроки исполнения гражданско-правового обязательства;
- место исполнения гражданско-правового обязательства;
- способы исполнения гражданско-правового обязательства [25, с. 175; 29].

Некоторые ученые считают, что условия надлежащего исполнения гражданско-правового обязательства определяются в зависимости от правовой природы конкретного обязательства, исходя из содержания достигнутого соглашения, «либо из конкретных обстоятельств причинения вреда или неосновательного обогащения, а обязательные требования — исходя из правил о действии нормативных правовых актов во времени, в пространстве и по кругу лиц» [20]. При этом, надлежащим предлагает понимать исполнение обязательств, соответствующих, указанным выше критериям по способу, порядку, объему, сроку, способам обеспечения и гражданской правовой ответственности [20].

Исходя из анализа главы 22 ГК РФ условиями надлежащего исполнения гражданско-правового обязательства, являются:

- надлежащее лицо (ст. 312, 313 ГК РФ).

Так, надлежащим лицом, которому должно быть исполнено обязательство является кредитор или уполномоченное на этом им лицо (п. 1 ст. 312 ГК РФ).

Надлежащим лицом, исполняющим обязательство, признается третье лицо, на которое должник возложил исполнение данного обязательства и от которого кредитор обязан принять исполнение (п. 1 ст. 313 ГК РФ);

- надлежащее исполнение при множественности лиц в обязательстве (ст. 321–325 ГК РФ). По общему правилу, изложенному в ст. 321 ГК РФ, права и обязанности между участниками договора являются равными;

- надлежащий предмет (317, 317.1, 320, 320.1 ГК РФ). Предмет обязательства должен быть точно определенным, либо определимым, в противном случае исполнение обязательства может быть затруднено или вообще неосуществимо.

В п. 1 ст. 317 ГК РФ закреплено правило о том, что денежные обязательства должны быть выражены в рублях.

Статья 317.1 ГК РФ регулирует вопросы начисления процентов на сумму денежного обязательства за период пользования денежными средствами, т.е. плату за пользование денежными средствами (п. 53 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее — Постановление № 7) [7]).

Правила исполнения альтернативного и факультативного обязательств регулируются статьями 320 и 320.1 ГК РФ соответственно. Так, по альтернативному обязательству должник имеет право выбора совершить (воздержаться от совершения) одного из двух или нескольких действий. По факультативному обязательству должник вправе заменить основное исполнение другим исполнением, которое предусмотрено условиями обязательства;

- надлежащее место исполнения обязательства. Правила определения надлежащего места исполнения обязательства изложены в ст. 316 ГК РФ;

- определенный срок (ст. 314, 315 ГК РФ). Срок исполнения обязательство должен быть предусмотрен посредством указания конкретной даты исполнения, либо периода времени. В пункте 2 ст. 314 ГК РФ определен предельный срок исполнения обязательства — семь дней в случаях, если его срок не указан или срок исполнения определен моментом востребования. Правила досрочного исполнения обязательства определены в ст. 315 ГК РФ;

- надлежащий способ исполнения обязательства. В ГК РФ определены надлежащие способы исполнения обязательства по частям (ст. 311 ГК РФ), при солидарной обязанности (ст. 323 ГК РФ), солидарных требованиях (ст. 326 ГК РФ), внесением долга в депозит (ст. 327 ГК РФ), обусловленным (ст. 327.1 ГК РФ) и встречным (ст. 328 ГК РФ) исполнением обязательств.

Следует заметить, что все перечисленные условия надлежащего исполнения обязательства, направлены на прекращение обязательства.

Проведенный анализ позволяет выделить следующие признаки условий исполнения гражданско-правовых обязательств:

- 1) требования или правила;
- 2) источником установления требований и правил исполнения гражданско-правовых обязательств, являются обязательства, закон, иные

правовые акты, а при отсутствии таковых — обычая или иные обычно предъявляемые требования;

3) форма закрепления требований или правил может быть письменной или устной;

4) цель — направлены на прекращение гражданско-правового обязательства надлежащим образом.

Исходя из того, что исполнение гражданско-правовых обязательств представляет собой сделку, направленную на прекращение гражданско-правовых обязательств посредством

осуществления юридически значимой деятельности в рамках конкретного обязательственного правоотношения, то условия исполнения гражданско-правовых обязательств можно определить следующим образом:

требования или правила, установленные обязательствами, законом, иными правовыми актами, а при отсутствии таковых — обычаями или иными обычно предъявляемыми требованиями, в устной или письменной форме, направленные на прекращение гражданско-правовых обязательств надлежащим образом.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 г. № 95-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
4. Международные правила толкования торговых терминов «Инкотермс 2000» [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 15.11.2018 г.).
5. Унифицированные правила и обычаи для документарных аккредитивов (публикация Международной торговой палаты № 500) (ред. 1993 г., вступили в силу с 01.01.1994) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 15.11.2018 г.).
6. Унифицированные правила по Инкассо (Публикация Международной торговой палаты № 522) (ред. 1995 г., вступили в силу с 01.01.1996) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (Дата обращения: 15.11.2018 г.).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 г. № 7 (ред. от 07.02.2017) «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // БВС РФ. 2016. № 5.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // БВС РФ. 2015. № 8.
9. Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // ВВАС РФ. 2014. № 5.
10. Агешкина Н.А., Баринов Н.А., Бевзюк Е.А., Беляев М.А., Бельянская А.Б., Бирюкова Т.А., Вахрушева Ю.Н., Гришина Я.С., Закиров Р.Ю., Кожевников О.А., Копьев А.В., Кухаренко Т.А., Морозов А.П., Морозов С.Ю., Серебренников М.М., Шадрин Е.Г. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (постатейный) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2016.
11. Бекленищева И.В. Понятие гражданско-правового договора (сравнительно-правовое исследование): Автореферат. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004.
12. Бердников В.В. Распорядительная сделка как способ изменения имущественно-правового положения лица // Законодательство. 2002. № 3. С. 34.
13. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право: Общие положения. Кн. 1. М.: Статут, 1997. 847 с.
14. Братусь С.Н. Субъекты гражданского права. М.: Госюриздат, 1950. 367 с.
15. Вайпан В.А. Источники предпринимательского права: теория и практика // Право и экономика. 2015. № 10. С. 4–17.
16. Габриэль Н.В. Понятие и значение исполнения договорных обязательств // В сборнике: Правовые проблемы укрепления российской государственности / Под ред. Б.Л. Хаскельберга / Томский государственный университет. Томск, 2001. С. 87–90.
17. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к разделу III «Общая часть обязательственного права» / Под ред. Л.В. Санниковой. М.: Статут, 2016. 622 с.

18. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая. Научно-практический комментарий / Отв. ред. Т.Е. Абова, А.Ю. Кабалкин, В.П. Мозолин. М.: Бек, 1996. С. 498–499.
19. *Дашковская В., Бахарева Ю.* Некоторые заметки об исполнении договора // *Юридический мир*. 2003. № 11. С. 7.
20. *Дерхо Д.С.* Исполнение обязательств [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. 2018.
21. *Ефимова Л.Г.* Банковские сделки: право и практика. М.: НИМП, 2001. 654 с.
22. *Красавчиков О.А.* Юридические факты в советском гражданском праве. М.: Госюриздат, 1958. 183 с.
23. *Лапач В.А.* Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2002.
24. *Лукьяненко М.Ф.* Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010. 423 с.
25. *Молчанов А.А.* Лекция 19. Исполнение обязательств / В книге: *Гражданское право (общая и особенная части)* Молчанов А.А. Курс лекций. Санкт-Петербург, 2017. С. 174–179.
26. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: Ок. 53000 слов / Под общ. ред. Л.И. Скворцова. М.: ООО «Издательство Оникс»: ООО «Издательство «Мир и Образование», 2007. 640 с.
27. Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / Под ред. П.В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. 1326 с.
28. Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / Отв. ред. В.В. Долинская. Москва: Проспект, 2018. 192 с.
29. Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / Отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. 1208 с.
30. *Савиньи Ф.К.* Обязательственное право / Пер. с нем. Ф. Фукс и Н. Мандро. М., 1876: Январь и февраль // *Журнал гражданского и уголовного права: Январь и февраль*. — С.-Пб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1876, Кн. 1.— С. 281–284.
31. *Слесарев В.Л., Кравец В.Д.* Неустойка как категория регулятивного и охранительного гражданского правоотношения // *Законы России: опыт, анализ, практика*. 2017. № 10. С. 78–86.
32. *Сушкова О.В.* Основания исполнения обязательств // *Современное право*. 2016. № 8. С. 41–46.
33. *Толстой В.С.* Исполнение обязательств. М.: Юридическая литература, 1973. 208 с.
34. *Тузов Д.О.* О правовой природе недействительных сделок // *Гражданское законодательство Республики Казахстан*. Астана, 2002. Вып. 14. С. 190.
35. *Хохлов В.А.* Общие положения об обязательствах: Учебное пособие. М.: Статут, 2015. 288 с.
36. *Шумейко И.Ю.* Сущность и правовая природа исполнения обязательства // *Юрист — Правоведь*. 2010. № 1. С. 46–50.

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОСРЕДНИЧЕСТВА С ПОЗИЦИИ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ

© 2019 **Фастова Марина Андреевна**

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Юридический факультет
Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: romanenkoma82@mail.ru

© 2019 **Иванова Татьяна Михайловна**

старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права, Юридический факультет
Астраханский государственный университет, Россия, Астрахань
E-mail: krohmalt@mail.ru

Актуальность теоретико-методологической концепции посредничества определяется исключительной важностью проблем прав человека в социально-экономической, политической, правовой и духовной сферах нашего общества, а также противоречивым, конфликтным состоянием общественных отношений, особенно обостряющимся в периоды реформ и нововведений. В связи с тем, что посредничество — сложное многоаспектное социально-правовое явление, его теоретико-методологическая концепция базируется на комплексной научной структурно-функциональной ориентации, заключающейся в изучении данного общеправового института как целостного объекта не только с правовых, но и общеконфликтологических, социальных, экономических, психологических позиций. Такой процесс познания предполагает необходимость использования комплексной методологии, позволяет рассматривать посредничество как сложную систему, раскрывающуюся с помощью структурно-функционального анализа. Настоящая статья посвящена анализу посредничества с позиции именно функциональной теории, как части структурно-функционального анализа. Именно с помощью функционального анализа раскрывается сущность посредничества как общеправового института, выявляются взаимосвязи субъектов посреднических отношений, позволяющих исследовать эти отношения комплексно. В статье проводится комплексный анализ функций посредничества с позиции социологии, юриспруденции и экономических наук. Многие из функций, которые выделяют представители разных научных областей, совпадают по своему семантическому значению (например, информационная, коммуникативная и т.д.), в связи с чем, необходимо выработать единую классификацию, учитывающую всю многоаспектность посредничества и характеризующую его как общеправовой институт. Функциональный подход позволяет более глубоко изучить длительный процесс возникновения и развития посредничества, появления его различных типов, видов, форм в разных сферах общественных отношений, т.е. процесс формирования и эволюции посредничества. Исследование посредничества с позиции функционального анализа достигается в том числе и путем синтеза научных аспектов, разработанных различными отраслями знаний, внедрения научного инструментария, применяемого несколькими науками при одновременном использовании для решения конкретной задачи, что привело, в конечном итоге, к выработке теоретических моделей посредничества. Однако в статье ставится задача изучения посредничества не изолированно, а во взаимосвязи с другими правовыми явлениями, как производными от него, так и катализировавшими его развитие, а также в сравнительной взаимосвязи с его эволюционированием и регулированием в других правовых системах.

Ключевые слова: посредничество, теория, функции, анализ, теоретическая модель, информация, общественных отношения, субъект, законность.

В условиях усложнения социальных связей, интенсивного развития рыночных отношений, в условиях дифференциации отраслей и институтов права наблюдается также процесс их интеграции, усиления взаимосвязей. Этот объективный процесс ставит на первое место научные проблемы интегрального, системного значения, которые охватывают широкий комплекс правовых средств, воздействующих на общественное развитие. К их числу относится и проблема

функционального анализа посредничества как общеправового института, включающая социально-экономические и политико-правовые аспекты правового воздействия.

Центральная ориентация функционализма — выраженная в практике интерпретации данных путем установления их значения для более крупных структур, в которые они входят, — была обнаружена практически во всех науках о человеке: биологии, психологии, экономике и юриспруденции, антропологии и социологии. «Преобладание функционалистской точки зрения взгляда само по себе не гарантирует ее научной ценности, но все же наводит на мысль, что совместный опыт заставил обратиться к этой ориентации исследователей, специализирующихся в изучении человека как биологического организма, субъекта психической деятельности, члена общества и носителя культуры» [6]. На данный момент нам более важна та возможность, что предыдущий опыт других дисциплин может дать полезные методологические модели для функционального анализа посредничества.

Учитывая вышеизложенное и тот факт, что функциональный анализ представляет собой разновидность анализа, предполагающий рассмотрение объекта как комплекса выполняемых им функций, а не как материально-вещественных структур, он, тем самым позволяет абстрагироваться от конкретного исполнения объекта, и сосредоточить внимание на его функциях. Поиск альтернативных вариантов реализации функций осуществляется с целью снижения затрат и повышения уровня выполнения функции.

Социальные функции могут быть внешними — по отношению к той системе, элементом которой данный социальный институт является, и внутренними — в процессах организации социальных действий и регулирования социальных связей своего персонала. Как правило, «социальный институт — полифункционален, более того, его специфику определяет, с одной стороны, совокупность предписанных ему социальных функций, а с другой — главная (основная) социальная функция. Функционирование социального института предполагает достижение определенной цели и решение конкретных задач, при этом, результатами функционирования социального института могут быть созданные материальные и духовные ценности, удовлетворение личных и общественных потребностей и

интересов, изменения в процессах общественной жизни. Результаты функционирования социального института свидетельствуют о его состоянии и развитии, служат отправной точкой для дальнейшего функционирования данного социального института и тех социальных институтов, которые с ним связаны» [3].

Посредничество предполагает наличие социальных функций, где одной из основных является функция распределительная, позволяющая объединить производителей и потребителей различного уровня: физиологических, потребности в безопасности, общении, самореализации в трудовой деятельности и т.п.

Другая значимая функция — информационная, которая заключается в возможностях и способностях получать, анализировать, систематизировать, распространять различную информацию, необходимую человеку, организациям в рыночных условиях; связана с поиском, куплей и продажей конфиденциальной рыночной информации, а также с владением ею.

Важной посреднической функцией является коммуникативная, поскольку она помогает устанавливать отношения между субъектами, представляя собой широчайший набор предлагаемых способов коммуникации — «от простого соединения (сведения) различных агентов рынка до заключения между ними совместных сделок с разнообразными формами участия в них самих посредников» [1].

Посредничество, рассматриваемое социологами, представляющее собой совокупность субъектов общества, вступающих в устойчивые отношения в процессе распределительной деятельности, характеризуется поведенческими социально значимыми признаками субъектов (удовлетворение потребностей, профессионализм, ответственность и т.д.), которые сочетаются с установками, требованиями, ценностями (законопослушность, социальная ответственность и т.д.).

Кроме того, выделяются функции посредничества как одного из альтернативных способов разрешения правовых конфликтов, о системе которых пойдет речь в следующем параграфе настоящего исследования. В этом методологическом ключе, автор полагает возможным рассматривать функции посредничества, проводя параллели с преимуществами самих альтернативных форм разрешения правовых конфликтов.

Посредничество является объективной составляющей рыночной экономики и выступает неотъемлемым звеном продвижения товаров и услуг к потребителю. Соответственно, как и любой социальный институт, он базируется на определенных принципах и правилах, обуславливаемых законами экономики.

Функциональный анализ посредничества предполагает исследование последнего в качестве общеправового института, осуществляющего свою деятельность по различным направлениям, элементы которого находятся во взаимосвязи, взаимообусловленности и служат достижению единой, общей цели. Рассматриваемое в функциональном аспекте посредничество представляет собой сложную многоцелевую инструментальную систему, при помощи которой решаются задачи в различных сферах общественных отношений. Являясь интегрированной целостностью, эта система, кроме того, представляет собой взаимосвязанную и взаимообусловленную совокупность элементов, которые в рамках системы осуществляют деятельность по определенным направлениям. Но вместе с тем деятельность всех элементов системы подчинена единой целевой установке, что позволяет говорить об их системном и функциональном единстве.

Представляется возможным выделить следующие функции посредничества как общеправового института: регулирующая, определяющая структуру интересов общества, баланс интересов производства и потребления, интересов конфликтующих сторон; прогностическая, позволяющая предвидеть политику развития потребностей в обществе, отношения (в том числе конфликтные) между различными социальными слоями, ориентацию экономического мышления; стимулирующая, позволяющая выявить эффективность при разрешении правовых конфликтов, а также рациональность использования ресурсов человеком и обществом; распределительная, позволяющая объединить

субъектов отношений в единую систему для удовлетворения потребностей различного уровня в обществе; информационная, заключающаяся в возможностях и способностях получать, анализировать, систематизировать, распространять различную информацию, необходимую самым разнообразным субъектам общественных отношений; коммуникативная, представляющая собой широчайший набор предлагаемых способов коммуникации — от простого сведения различных агентов рынка до заключения между ними совместных сделок с разнообразными формами участия в них самих посредников.

Кроме того, с учетом обозначенных выше позиций, функциональный анализ посредничества дает нам основания полагать, что: посредничество сближает интересы сторон (производителей и потребителей, сторон в правовом конфликте), предоставляя при этом различные виды посредников; при анализе функций посредничества на первый план выходят распределительные и информационные отношения и результаты деятельности посредников, оказывающие влияние на развитие общества в целом; важной особенностью в рассматриваемом ракурсе выступает система социального сотрудничества (партнерства), возникающая в процессе обмена ценностями, мнениями, информацией, суждениями между преследующими свои цели субъектами или конфликтующими сторонами; важной чертой функций посредничества является целенаправленная деятельность на эффективную организацию конкретного процесса, где участвует тот или иной вид посредника; посреднические функции реализуются не только в системе рыночного обмена (на чем ранее делался акцент в литературе), они характерны для множества социальных действий и взаимодействий людей, включенных в многообразную и многофункциональную систему социального обмена (социальных сетей) на различных уровнях организации общества.

Библиографический список

1. *Абдуллина С.В.* Социальный феномен посредничества: Дисс... канд.социол.наук. Уфа, 2011. 160 с.
2. *Бродский М.Н., Бродский Г.М.* Право и экономика: инвестиционное консультирование. — СПб: АООТ «Типография «Правда», 1999. — 496 с.
3. *Глов М.Б.* Социальный институт: определение, структура, классификация. // Социологические исследования, 2003. № 10. С.13–19.
4. *Донченко Е.А., Титаренко Т.А.* Личность: конфликт, гармония. — Киев: Издательство Киевского государственного университета, 1989. — 580 с.

-
5. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт (политологический анализ). — Ростов: Тайп, 1992. — 586 с.
 6. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. / Р. Мертон. М.: АСТ: АСТ МОСКВА ХРАНИТЕЛЬ, 2006, 873 с.
 7. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. — М.: Юристъ, 1994. — 189 с.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО. ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

**МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО;
ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВО**

ПОНЯТИЕ ОРУЖИЯ КАК ТОВАРА В МЕЖДУНАРОДНОМ ТОВАРООБОРОТЕ

© 2019 Кутафина Виолетта Валерьевна

аспирант

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, Москва

E-mail: kviolettav20@yandex.ru

Настоящая статья посвящена определению понятия оружия в международном публичном праве. Автором анализируются нормы российского законодательства и международного права по вопросу международной торговли оружием. Отмечается, что использование положений Международного договора о торговле оружием, разработанных Организацией Объединенных Наций, позволит устранить пробелы и противоречия в национальном законодательстве об оружии и практике государств по разработке и поставке объектов военного назначения.

Ключевые слова: оружие, вооружение, военно-техническое сотрудничество, международный оборот оружия

Вооруженные конфликты внутригосударственного и международного характера, терроризм, а также иные формы применения силового воздействия составляют основную угрозу миру и международной безопасности. Основное средство применения силового воздействия для государств на сегодняшний день — это оружие. В праве международной безопасности, посвященном глобальному изучению вооруженных конфликтов, не уделяется достаточного внимания одному из древнейших видов человеческой деятельности — вооружению народов и государств, а также оружию как средству и методу силового воздействия.

Отметим, что вооружением занимались и занимаются народы и государства во времена всех цивилизаций, не только во время войн, но и в мирное время. Следует согласиться с мнением Куликова Ю.В. о том, что вооружение, как вид деятельности народов и государств должно занять свое место среди иных видов деятельности в пирамиде «История видов человеческой деятельности» [1, с.22]. Выделение «военного дела государства», как вида деятельности, вместо «войн и революций» более обосновано, так как данное понятие охватывает как ведение войн, так и разного рода подготовку к вооруженным действиям.

В связи с конфронтацией государств и развитием блокового формата отношений на международной арене возрастает спрос на оборонно-промышленные товары. Основной задачей развития оборонно-промышленного комплек-

са Российской Федерации является не только способность удовлетворить потребности вооруженных сил, но и обеспечить эффективное функционирование оборонно-промышленного комплекса, как высокотехнологичного многопрофильного сектора экономики страны, обеспечить стратегическое присутствие Российской Федерации на мировых рынках высокотехнологичной продукции и услуг [2].

От уровня развития военного дела государства зависит его положение на международной арене. В связи с этим, в статьях государственного бюджета постоянно растут военные расходы на вооружение. Согласно данным, опубликованным Стокгольмским международным институтом исследований проблем мира (SIPRI), в 2017 объем продаж вооружений и военных услуг крупнейшими военно-промышленными компаниями составил 398.2 млрд. долларов [3].

Ученые Протопопов А.С. и Шпаковская М.А., отмечают, что суждения юристов международных и политиков о том, что рост вооружений служит выходом из экономических затруднений государств несостоятельны [4].

На этот счет, бывший министр иностранных дел Швеции Альва Мюрдаль в своей книге «Игра разоружения: Как США и Россия проводят гонку вооружения» писал: «гонка вооружений будет и дальше снижать долю расходов на социальные нужды и тем самым способствует дальнейшему спаду экономического роста» [5]. История экономического развития показывает, что гонка вооружений и увеличение военных расходов

негативно сказываются на социальной сфере и влекут увеличение налогового бремени для граждан и бизнеса, безработицу, быстрое сокращение ассигнований, субсидий на социальные нужды.

На наш взгляд, сущность и содержание вооружения как вида человеческой деятельности влияет на определение понятийного аппарата и правовое регулирование оборота оружия как на национальном уровне, так и на международной арене.

Так, в последнем издании Советской военной энциклопедии термин «вооружение» определяется как процесс качественного развития и количественного роста военной техники в государстве, а также оснащения ею вооруженных сил. Включает планирование развития военной техники, ее разработку, производство и оснащение ею вооруженных сил. Организуется с учетом рекомендаций теории вооружения [6].

В виду развития общества и общественных отношений на сегодняшний день в этот «процесс» включены также иные виды человеческой деятельности, тесно связанные с логикой так называемого «жизненного цикла оружия»:

- планирование создания оружия;
- конструирование оружия;
- изготовление и испытание опытного образца оружия — третья совокупность действий вооружения;
- производство оружия — второй и решающий этап совокупности действий организации вооружения как вида человеческой деятельности;
- накапливание запаса оружия в государстве, хранение изготовленного и утилизация устаревшего оружия;
- продажа произведенного оружия — совокупность действий по торговле оружием: а) на внутреннем рынке; б) на мировом рынке. Торговля оружием на внутренних и мировых рынках оружия является последней, завершающей стадией совокупности действий вооружения как вида человеческой деятельности [1, с.26].

Процесс формулирования понятия «оружие» и его нормативного закрепления довольно сложен и неоднозначен. На наш взгляд, именно определение и закрепление данного понятия в нормативно-правовых актах Российской Федерации должно предшествовать регулированию отношений, связанных с оружием. Для определения понятия оружия воспользуемся несколь-

кими авторитетными мнениями. В толковом словаре Владимира Ивановича Даля «оружие» определяется как «всякое средство, приспособленное, технически пригодное для нападения или защиты» [7]. В Большой Советской энциклопедии под оружием понимается общее название устройств и средств, применимых в вооруженной борьбе для уничтожения живой силы противника, его техники и сооружений [8]. Данные понятия широко и неоднозначно обозначают круг предметов, которые возможно отнести к понятию оружия. В связи с этим возникают проблемы в регулировании оборота оружия как товара на международном рынке.

Действующий Федеральный закон Российской Федерации «Об оружии» от 13.12.1996 № 150-ФЗ (далее — Закон «Об оружии») содержит следующее определение оружия — «устройства и предметы, конструктивно предназначенные для поражения живой или иной цели, подачи сигналов» [9]. Данное определение расширяет понятие оружия, включая в него устройства и предметы, предназначенные для подачи сигналов.

В научной литературе определению оружия также уделено внимание, например, Шумилов В.М. определяет оружие как общее название устройств, предметов и средств, конструктивно предназначенных для убийства людей и животных и/или выведения из строя техники и сооружений сторон, вольно либо невольно участвующих в конфликте с применением оружия.

Представленные мнения, в целом ограничивают понятие оружия средствами, предметами, устройствами, которые созданы для поражения цели. Но в науке международного права существует и более широкое определение понятия оружия. Например, понятие оружия в рамках международного гуманитарного права как раздела международного публичного права определяется как одно из средств ведения войны, которые применяются вооруженными силами воюющих сторон для нанесения вреда и поражения противника.

В Федеральном законе Российской Федерации от 19.07.1998 № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» употребляется понятие «продукция военного назначения», под которой понимается «вооружение, военная техника, работы, услуги, результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность)

и информация в военно-технической области...» [10].

Очевидно, что понятие «продукция военного назначения» гораздо шире понятия «оружие» в Законе «Об оружии». К продукции военного назначения вышеупомянутый федеральный закон относит широкий перечень объектов: от вооружения и военной техники, систем связи и взрывчатых веществ, специальных сооружений для применения военной техники, оборудования для ремонта и модернизации военной техники до документации, которая регламентирует создание, производство эксплуатацию, боевое применение, модернизацию, ремонт и уничтожение (утилизацию) продукции военного назначения; а также результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по созданию, модернизации и уничтожению вооружения и военной техники; услуги инвестиционного, маркетингового, рекламного и иного характера в области военно-технического сотрудничества; ремонт вооружения и военной техники и иная деятельность в области военно-технического сотрудничества, не противоречащая законодательству Российской Федерации.

На наш взгляд, в Федеральном законе Российской Федерации «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» исчерпывающе описана продукция военного назначения, как объект, который требует особого регулирования на внутригосударственном и международном уровне.

В Международном кодексе поведения в отношении поставок оружия от 2000 г. использован комплексный подход в формулировании понятия оружия, авторы попытались путем перечисления военно-технологического оснащения государств в понятие «оружие» включить не только все виды оружия и боевой техники. Существенно важным дополнением к вышеуказанным понятиям оружия, на наш взгляд, являются:

1) закрепление понятия **компонентов и систем доставки оружия**, к которым относятся: боевые танки, боевые бронированные машины, военные самолеты, артиллерийские системы, военные вертолеты, ракеты, имущество военизированной полиции, минометы, пулеметы и автоматы, винтовки, пистолеты, противотанковые орудия, мины, гранаты, кассетные бомбы и все виды боеприпасов;

2) выделение **«чувствительных» техноло-**

гий и технологий двойного назначения, например, таких как шифровальная техника, суперкомпьютеры, газовые турбины и др.

3) включение подготовки военнослужащих и сотрудников органов безопасности, включая передачу **опыта, знаний или навыков применения такого оружия**, боевой техники, компонентов и «чувствительных» технологий в понятие оружие. То есть в данном случае, товаром является компетенции личного состава вооруженных сил того или иного государства по использованию объектов военного назначения [11].

Тем самым, Международный кодекс поведения в отношении поставок оружия обозначил и конкретизировал тот перечень объектов, которые подпадают под понятие оружия.

Стоит отметить, что 2 апреля 2013 года на заседании Генеральной Ассамблеи ООН был принят Международный договор о торговле оружием (сокращенно «МДТО»), который ограничил виды вооружений, а именно отнес к объектам торговли оружием: а) боевые танки; б) боевые бронированные машины; в) артиллерийские системы большого калибра; г) боевые самолеты; д) боевые вертолеты; е) военные корабли; ж) ракеты и ракетные пусковые установки; и з) стрелковое оружие и легкие вооружения [12].

Таким образом, МДТО не только конкретизировал, но и существенно сузил круг объектов, которые подпадают под понятие оружия и могут быть предметом международных торговых отношений.

Следует обратить внимание, что в понятие оружия, которое дано в МДТО, не включены существенно важные объекты военного назначения: системы связи и взрывчатые вещества; «чувствительные» технологии и технологии двойного назначения; подготовка военнослужащих и сотрудников органов безопасности, включая передачу опыта, знаний или навыков применения оружия.

Полагаем, что исключение из международного регулирования оборота оружия указанных объектов военного назначения может способствовать их неконтрольному распространению и служить угрозой миру и международной безопасности.

Следует согласиться с Пермяковой Э.Ш., Тюриной Н.Е., что перечень объектов, которые относятся к оружию неполный, с учетом цели Договора. Ученые-международники отмечают, что преамбула международного договора в качестве

одной из целей закрепляет регулирование и пресечение несанкционированного конечного использования оружия, в том числе для совершения террористических актов. Использование взрывчатых веществ — один из способов совершения террористических актов [13].

Международный договор о торговле оружием и его разработка — огромный шаг международного сообщества к разрешению проблем, связанных с торговлей оружием. Данный договор очертил сферу регулирования, признав, что отсутствие согласованных международных стандартов в отношении торговли обычным оружием создает угрозу миру, примирению, безопасности, стабильности и устойчивому социально-экономическому развитию.

На наш взгляд, международный договор о торговле оружием устранил недостатки понятийного аппарата национального и международно-правового регулирования по вопросу понимания и оборота оружия, сформулировал единый подход в определении термина «оружие».

Имплементация положений указанного

международного акта в национальное законодательство, использование его понятийного аппарата и подходов в развитии международных отношений позволит устранить пробелы в международно-правовом регулировании отношений государств, предметом которых является вооружение, поставки оружия, торговля оружием. Толкование данного термина как в узком, так и в широком смысле является одной из главных задач законодателя во внутригосударственном праве и субъектов международного нормотворчества.

Полагаем, что отсутствие закреплённых международных стандартов в сфере вооружения может привести к росту преступлений, увеличению террористических актов и нелегального оборота оружия в мире. Несмотря на то, что государства осуществляют нормативно-правовое регулирование поставок оружия как во внутреннем гражданском обороте, так и между собой, единая система регулирования торговли оружием и предотвращения незаконного оборота оружия в международном праве находится на этапе своего становления.

Библиографический список

1. Куликов В.А. История оружия и вооружения народов и государств с древнейших времен до наших дней: [монография] / В.А. Куликов; Вост. ин-т экономики, гуманитар. наук, упр. и права. Уфа: Вост. ун-т, 2003 (Тип. Изд-ва).
2. Военная доктрина Российской Федерации, утв. Президентом РФ 25.12.2014 № Пр-2976 // СПС «Консультант Плюс».
3. Пресс-релиз EMBARGO от 10 декабря 2018 г. // URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-12/2018_sipri_top_100_press_release_rus (дата обращения: 30.09.2019).
4. Протопопов А.С., Шпаковская М.А. Проблемы разоружения в конце XX- начале XXI веков А.С. Протопопов, М.А. Шпаковская. Вестник РУДН, серия Международные отношения, 2014. № 2. С. 178.
5. Myrdal Alva «The game of Disarmament: How the United States and Russia run the arms races» Phanteon Books, 1976. P 60.
6. Советская военная энциклопедия М.: Воениздат, 1976–1980. Т.2 Вавилон Гражданская война в Северной Америке. 1976. С. 266.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великого русского языка. Т. II: И–О. СПб.; М., 1881. С. 715.
8. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М.: Сов. энцикл., 1969–1978. 30 т.
9. Федеральный закон от 13.12.1996 № 150-ФЗ «Об оружии» // СЗ РФ. 16.12.1996. № 51. С. 5681.
10. Федеральный закон от 19.07.1998 № 114-ФЗ «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами» // СЗ РФ. 27.07.1998. № 30. С. 3610.
11. Письмо Постоянного представителя Нидерландов при Организации Объединенных Наций от 30.01.2003 на имя Генерального секретаря ООН N A/57/724 // URL: <https://documents-ddsny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N03/240/46/PDF/N0324046> (дата обращения 30.09.2019).
12. Договор о торговле оружием ООН от 2014 г. // URL: <https://unoda-web.s3-accelerate.amazonaws.com/wp-content/uploads/2013/06/2.pdf> (дата обращения 30.09.2019).
13. Пермякова Э.Ш., Тюрина Н.Е. Международный договор о торговле оружием // Евразийский юридический журнал. 2014. № 12 (79). С. 53–55.

О ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АМЕРИКАНСКОГО ОПЫТА В ЧАСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ И УЧАСТНИКОВ КОРПОРАЦИИ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

© 2019 Милицкая Кристина Николаевна

магистр юриспруденции, аспирант

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

преподаватель кафедры гражданского права и процесса

Оренбургский институт (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Россия, Оренбург

E-mail: 123as2012@list.ru

В настоящей статье рассматривается американский опыт построения корпоративных правоотношений в области ответственности участников корпораций и ее органов управления. Проводится анализ критериев теста Пауэлла и доктрины «duty of loyalty», возможность заимствования отдельных положений доктрин российским законодательством.

Ключевые слова: добросовестность, корпоративные отношения, ответственность участников корпораций, ответственность директоров.

Российское корпоративное право начало свой путь развития лишь в недавнем прошлом, поскольку в советское время корпоративные отношения имели ограничения и были представлены через призму социализма в виде колхозов и совхозов, хотя даже это представление о существовании корпоративных отношений в советское время вызывает противоречивые мнения у исследователей.

Поэтому при выстраивании основных начал и системы корпоративного права, а также формировании конкретных норм, необходимо обратиться к изучению зарубежного опыта. Поскольку российская правовая система традиционно относится к романо-германской правовой системе, следовало бы обратиться к изучению немецкого права как к одной из наиболее выстроенных систем права.

Между тем, нельзя игнорировать и американское право, относящееся к англосаксонской правовой системе, однако не менее работающее. Многие исследователи могут утверждать о невозможности заимствования американского опыта в построении корпоративных отношений, поскольку американская правовая система построена на прецеденте и главенствующей роли судейского усмотрения при разрешении споров.

Однако если задуматься над тем, что лежит в основе принятия решений российскими судами при рассмотрении дел о привлечении к ответственности органов управления корпорации за причиненные корпорации убытки своими

действиями, то мы неминуемо придем к таким категориям как добросовестность, разумность и справедливость. Разве эти категории не должны быть применены судьями с опорой на конкретные обстоятельства дела и проявлением гибкости, для того чтобы решение было действительно добросовестным и справедливым?

Для разрешения данной проблемы необходимо изучить американское корпоративное право в части ответственности органов управления и участников корпораций, условий наступления такой ответственности, а также установить возможность применения отдельных норм права, сформированных в прецедентной системе, к системе континентального права.

Рассмотрим основные положения института ответственности органов управления корпорации по убыткам, причиненным корпорации своими действиями, а также ответственности участников корпорации как лиц, имеющих фактическую возможность определять действия юридического лица в США.

Главенствующая роль в этом институте отводится доктрине «снятия корпоративной вуали», доктрине «alter ego» и доктрине «instrumentality». Менее заметная роль принадлежит доктрине единого коммерческого предприятия и доктрине агентских отношений.

Поскольку доктрина «снятия корпоративной вуали» не отличается четкостью и определенностью, и практика ее применения сильно разнится между штатами и судами, для конкретиза-

ции появились доктрины «alter ego» и доктрина «instrumentality». Если первая доктрина указывает на то обстоятельство, что участник использует корпорацию как свое «второе я», то вторая основывается на том, что участник использует корпорацию как инструмент для достижения своих собственных целей, пренебрегая интересами самой корпорации. Зачастую в решениях судов нельзя найти ссылку на конкретную доктрину, положения одной доктрины могут использоваться в совокупности с положениями другой, причем такое заимствование положений может быть частичным, и суд может счесть, что оснований для привлечения к ответственности достаточно.

Главную роль при формировании данных доктрин получил тест Пауэлла, который в своем исследовании материалов дел, сформулировал критерии обоснованности «снятия корпоративной вуали» судами.

Тест Пауэлла, который был сформулирован им еще в 1931 г. применительно к ответственности основных обществ по обязательствам дочернего, основан на трех факторах — контроле, противоправности действий и причинно-следственной связи. При этом каждый из этих факторов имеет множество суб-факторов, определяющих признаки самого фактора. Примечательно, что суды при вынесении решений могут посчитать обоснованным «снятие корпоративной вуали», даже при наличии только нескольких суб-факторов в одном факторе, и даже при наличии только одного фактора, если посчитают, что этого достаточно для установления виновности [3].

Доктрина «alter ego» сосредоточена на факторе контроля, для ее применения необходимо доказать, что корпорация и ее участники — по сути, нераздельны. В данном случае корпорация находится не просто под влиянием и управлением ее участников, но и не обладает своей обособленностью, поскольку наблюдается полное единство интересов и имущества.

Фактор контроля устанавливается путем установления чрезмерного контроля над операциями и решениями корпорации участниками, при этом важно установить, что в этом случае пренебрегались интересы и независимость корпорации. Среди суб-факторов оценке подлежат такие обстоятельства как использование одного и того же имущества корпорацией и ее участником — юридическим лицом в ходе

осуществления деятельности, осуществление функций руководителей одними и теми же лицами в корпорации и участнике — юридическом лице, осуществление коммерческой деятельности корпорацией исключительно с материнской компанией, а также недостаточная капитализация и др. Последний суб-фактор, однако, вызывает немало дискуссий. В каждом конкретном случае суд должен по своему усмотрению определить, является ли капитализация достаточной, опираясь на концепцию того, что сумма денежных средств на момент учреждения корпорации была соразмерной предполагаемым суммам во исполнение обязательств с учетом характера ее деятельности и предпринимательских рисков. Существует также мнение, что капитализацию нужно усматривать не в уставном капитале корпорации, а в капитале, формирующемся от осуществления деятельности, ради которых была создана корпорация. Недостаточная капитализация в этом случае будет проявляться лишь тогда, когда будет установлен вывод денежных средств из корпорации.

Если вернуться к рассмотрению первой точки зрения в отношении недостаточной капитализации, оцениваемой на момент создания корпорации, то мы неизбежно столкнемся с давней дискуссией о том, необходимо ли увеличить порог минимального уставного капитала юридических лиц или нет. С одной стороны, увеличивая этот минимальный порог, законодатель может обезопасить интересы кредиторов корпорации. Однако тут мы столкнемся с новой проблемой — необходимо будет «заморозить» этот уставный капитал, чтобы корпорация, осуществляя хозяйственную деятельность и неся риски предпринимательства, не смогла растратить этот минимум. С другой стороны, увеличение минимального порога уставного капитала приведет к резкому сокращению числа корпоративных организаций, пострадает интенсивность гражданского оборота.

Некоторые ученые высказывают точку зрения о том, что необходимо создать гибкий уставный капитал, который будет определяться в зависимости от суммы оборота. Так, предлагается установить компаниям с оборотом от 1 до 10 млн. долларов уставный капитал в размере не менее 150 000 долларов, компаниям с оборотом от 10 до 20 млн. долларов — не менее 300 000 долларов [1]. Предлагается также данный гибкий уставный капитал устанавливать, учитывая специфику

деятельности корпорации, больший по размеру должен быть предусмотрен, к примеру, для корпораций занимающимися крупными строительными работами, медицинской деятельностью и т.д. Важно отметить, что российское законодательство отчасти учитывает этот момент, устанавливая повышенный размер уставного капитала для компаний, осуществляющих, например, банковскую деятельность.

Существует также мнение, согласно которому недостаточная капитализация корпорации, связанная с выводом денежных средств и имущества корпорации участником, относится не к фактору контроля, а к фактору противоправных действий.

В целом, фактор противоправных действий связан с установлением совершения противоправных или недобросовестных действий участником в ущерб юридическому лицу. Среди суб-факторов данного фактора выделяются совершение сделок с заинтересованностью (между корпорацией и участником на крайне невыгодных условиях для корпорации), несоблюдение корпоративных формальностей (отсутствие решений собраний, документированного выпуска акций в пользу основного общества), введение в заблуждение (обещание кредитору гарантированного исполнения обязательств третьим лицом).

И, наконец, третий фактор теста Пауэлла — фактор причинно-следственной связи требует, чтобы контроль и противоправные действия участника корпорации привели к убыткам, которые требуется возместить. Фактор причинно-следственной связи зачастую не требует доказывания, поскольку суды презюмируют наличие данного фактора, если только не будет доказано иное.

У доктрины «снятия корпоративной вуали», несмотря на ее высокую применимость судами, существуют и противники. Так, утверждается, что судам предоставляется слишком широкий круг полномочий для судебного усмотрения при определении не только наличия факторов, но и их достаточности для привлечения к ответственности. Предлагается формализовать в законодательных нормах неправомочность передачи активов и установить преимущественные права при банкротстве [4]. Естественно, что и у предложений С. Бейнбриджа есть свои противники, которые указывают на то, что суды потеряют гибкость при разрешении споров и

приведет к злоупотреблениям участников корпорации, которые при заключении сделок будут планировать сделки так, чтобы избежать ответственности, причиняя при этом ущерб самой корпорации.

Нельзя сказать, что доктрины коммерческой концессии и агентских отношений составляют достойную конкуренцию доктрине «снятия корпоративной вуали» в применении, поскольку их применение носит эпизодический характер.

Согласно доктрине единого коммерческого предприятия большее значение имеет не соблюдение формальностей в отношении связи корпорации и ее участников, а установление единой бизнес стратегии всей корпоративной структуры. Здесь важно объединение ресурсов для достижения общей цели, и если в ходе заключения сделок для такой цели был причинен ущерб кредиторам, то к ответственности может быть привлечено любое из этих юридических лиц.

Доктрина агентских отношений предполагает, что не требуется установления критерия противоправных действий участника корпорации. При разрешении споров, суды, применяя данную доктрину, указывают на чрезмерный контроль для обоснования наличия агентских отношений, не ссылаясь при этом на факторы доктрины «снятия корпоративной вуали», хотя по своей сути, такие случаи можно было отнести к случаям применения однофакторного теста Пауэлла.

Рассматривая вопрос о применимости американского опыта в российском законодательстве, справедливо отмечается, что судебное усмотрение, основанное на нормах закона и разъяснениях высших судов, придает правоприменительной практике ту самую гибкость, необходимую для справедливого разрешения споров по существу, позволяет в полной мере реализовать важнейший юридико-методологический подход приоритета существа над формой и избежать чрезмерного формализма при разрешении споров [1].

В отношении же органов управления корпорации (назовем эту категорию субъектов правоотношений обобщенно — директор) в американском праве действует доктрина «*duty of loyalty*». Ее основной посыл — недопущение обогащения директоров за счет корпорации, недопущение использования возможности получить прибыль лично, а делать это в интересах корпорации, а

также запрет совершения действий в своих личных интересах или в интересах третьих лиц в ущерб интересам корпорации.

В российском законодательстве в отношении директоров установлено аналогичное требование — директора должны действовать добросовестно. Конкретный перечень действий директора, раскрывающий принцип добросовестности при осуществлении их деятельности, содержится в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного суда № 62 от 30.07.2013 г. «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица».

Особый интерес в изучении вопроса привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих лиц представляет не столь давно принятое Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих лиц должника к ответственности при банкротстве». Отмечается, что механизм, раскрытый в постановлении, является исключительным механизмом восстановления нарушенных прав кредиторов.

Одним из самых примечательных положений постановления является указание на то, что осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности, суд должен установить степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверив насколько значимым было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника. В целом, круг признаков аффилированности стал гораздо шире. В частности, п. 7 постановления устанавливает, что контролирующим лицом может быть признано лицо, извлекающее существенную выгоду в виде увеличения активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в том числе принципу добросовестности. Можно ли таким лицом признать контрагента должника, который, возможно, и не знал о недобросовестных действиях директора должника? Представляется, что такая ситуация вполне возможна.

Окончательная редакция постановления включила в себя положение, изначально предложенное Федеральной налоговой службой России

и в дальнейшем поддержанное судьями, о том, что директор не утрачивает статус контролирующего лица, если он руководил бизнесом по указанию скрытого владельца. Таким образом, разрешился давно возникший вопрос об ответственности фиктивных директоров.

Кроме того, в соответствии с п. 24 постановления к субсидиарной ответственности может быть привлечен и главный бухгалтер, если причиной объективного банкротства стали их совместные с руководителем действия.

Рассматриваемое постановление, несомненно, составлено на высоком уровне, имеет все шансы стать работающим инструментом в вопросах защиты нарушенных прав кредиторов, однако, возникает закономерный вопрос — до какой степени возможно зарегулировать механизм привлечения к ответственности, чтобы не размыть окончательно институт ограниченной ответственности юридического лица? Представляется, что должен быть соблюден очень хрупкий баланс частных и публичных интересов в обществе. Насколько принятое постановление отвечает этому требованию покажет судебная практика, которая только находится на стадии формирования после принятия данных разъяснений высшей судебной инстанции.

Подводя итог всему вышесказанному, хотелось бы отметить, что рассматриваемые доктрины имеют свою специфику в зависимости от того, в законодательстве какой страны они находят свое выражение. В американском праве доктрина снятия корпоративной вуали и доктрина лояльности имеют широкое применение, поскольку в правовом регулировании доминирует судебское усмотрение, которое предоставляет большие возможности использования средств правовой защиты в соответствии с правом справедливости.

Российское законодательство же относится к странам с романо-германской правовой системой, в которой прецеденту не отводится правообразующая роль. Тем не менее, законодательство устанавливает, что ответственность органов управления корпораций может наступить только в случае недобросовестного и неразумного поведения. Устанавливая эту самую добросовестность и разумность, судьи неминуемо сталкиваются с тем, что необходимо учитывать обстоятельства каждого конкретного случая и рассматриваемого дела. Это значит, что мы неминуемо сталкиваемся с необходимостью обра-

щения к доктрине снятия корпоративной вуали и доктрине лояльности. Поскольку институт снятия корпоративной вуали в настоящее время все еще находится на этапе становления в рамках законодательных положений, обратиться к опыту правопорядка, в котором эта доктрина и зародилась, представляется наиболее разумным. Судебное усмотрение, основанное на нормах

закона и разъяснениях высших судов, придает правоприменительной практике ту самую гибкость, необходимую для справедливого разрешения споров по существу, позволяет в полной мере реализовать важнейший юридико-методологический подход приоритета существа над формой и избежать чрезмерного формализма при разрешении споров.

Библиографический список

1. *Захаров А.Н.* Привлечение основного общества к солидарной ответственности по обязательствам дочернего общества: Дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2015, с. 122–124.
2. *Жукова Ю.Д.* Противоправность поведения руководителя хозяйственного общества как основание ответственности за причинение обществу убытков в результате совершения сделок от его имени: Дис. ... канд. юрид. наук. — Москва, 2013, с. 78–79.
3. *Frederick J. Powell*, Parent and Subsidiary Corporations (1931), https://openlibrary.org/books/OL18472548M/Parent_and_subsidiary_corporations
4. *Stephen M. Bainbridge*, Abolishing Veil Piercing, 26 Journal of Corporation law, 2001, https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=291060

ECONOMIC AND LAW ISSUES

**Nº7 (133)
2019**

Editorial Council

A.P. Torshin — Candidate of Law, Deputy Chairman — State Secretary of the Bank of Russia, Chairman of the Editorial Board of the Journal “Economic and Law Issues”

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

A.G. Lisitsyn-Svetlanov — Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

V.N. Viktorov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Center for Special Programs at St. Petersburg Mining University

Yu.V. Golik — Doctor of Law, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

S.N. Silvestrov — Doctor of Economics, Professor, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences, Director of the Economic Policy Institute and the problems of economic security, Professor of the Department of World Economy and World Finance of the Financial University under the Government of the Russian Federation

A.A. Liverovsky — Doctor of Law, Professor at the Department of Constitutional and Administrative Law of the National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg

Editor-in-Chief

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor

The journal is included in the list of the Higher Accreditation Committee of The Ministry of Education and Science of Russia of the leading scientific journals and publications issued in the Russian Federation, where the main scientific results of the scientific theses for the degrees of Doctor and Candidate of Science can be found

Founder: LLC “Economic Sciences”

Address: 125057, Moscow, Chapaevskii per., 3-775

E-mail: info@law-journal.ru

WWW: <http://law-journal.ru>

The Certificate of registration of mass media

ПИ №ФЦ 77-31419 from 06.03.2008

Subscription index 70180 (Agency “Rospechat”)

ISSN 2072-5574

Editorial Board

E.M. Ashmarina — Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Legal Support of Economic Activity of the Russian State University of Justice, Editor-in-Chief of the Journal “Economic and Law Issues”

O.Yu. Bakaeva — Doctor of Law, Professor of the Department of Financial, Banking and Customs Law of the Saratov State Law Academy

V.V. Bolgova — Doctor of Law, Professor, First Vice-Recto for Academic and Educational Work, Head of the Department of Theory and Philosophy of Law, Samara State University of Economics

A.A. Pavlushina — Doctor of Law, Professor, Director of the Institute of Law of Samara State University of Economics

S.A. Makhosheva — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department “Regional Management” of the Institute of Informatics and the problems of regional management of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

A.M. Mikhailov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

V.V. Simonov — Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Church History, Moscow State University named after M. Lomonosov

I.A. Shulyatyev — PhD in Law, Senior Lecturer at the Department of International and European Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

A.A. Alekseev — Doctor of Economics, Professor, Director of the Center for Innovative Development, Professor of the Department of Enterprise Economics and Production Management, St. Petersburg State University of Economics

V.P. Ponka — Doctor of Law, Professor of the Department of Civil Law, Process and Private International Law of the Peoples’ Friendship University of Russia

A.G. Zeldner — Doctor of Economics, Professor of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences

M.F. Gus’kova — Doctor of Economics, Professor at the Institute of Paths, Construction and Structures of the Russian University of Transport (MIIT)

P.V. Pavlov — Doctor of Economics, Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Management in Economic, Ecological and Social Systems of the Southern Federal University

R.I. Khansevyarov — Doctor of Economics, Professor of Samara State University of Economics

Issue date 31.07.2019

Format 60x84/8

Printed signatures 5.35

500 copies

Printed by “24 Print” Ltd

CONTENTS

THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW; HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE

Idrisov H.V., Gaytamirova A.A. “Charitable” fraud: concept, reasons of causes and methods of prevention	43
Idrisov H.V., Serieva H.M. The grounds and conditions for the onset of civil liability of the carrier under the contract of carriage of goods by road	43
Agaronyan R.K. Problems of determination of the conditions of execution of civil liability obligations	44
Fastova M.A., Ivanova T.M. Theoretical and legal aspects of mediation from the position of functional theory	44

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

Kutafina V.V. The concept of arms as goods in international turnover	46
Militskaya K.N. Regarding the possibility of applying the American experience in part of the responsibility of government bodies and corporation members in Russian legislation	46

STATE AND LAW. LEGAL SCIENCE

**THEORY AND HISTORY OF STATE AND LAW;
HISTORY OF DOCTRINES ABOUT LAW AND STATE**

**“CHARITABLE” FRAUD: CONCEPT, REASONS OF CAUSES
AND METHODS OF PREVENTION**© 2019 **Idrisov Hussein Vakhaevich**

Candidate of law science, associate professor department of civil law and procedure
Chechen State University, Grozny
E-mail: huseyn23@rambler.ru

© 2019 **Gaytamirova Aset Adamovna**

Master's degree student, faculty of law
Chechen State University, Grozny
E-mail: nevajno_0095@mail.ru

The article is devoted to a brief history of the emergence of charity in Russia. In addition, the article provides a legal analysis of the concept and features of the legal regulation of the sphere of charitable activities. Based on the study of fraudulent crimes in the field of charity, the article describes and evaluates various aspects of criminal acts in the field of charity; Some measures aimed at preventing and countering fraudulent activities in charitable activities are considered.

Keywords: legal regulation, charity, fraud, assistance, mercy, compassion, criminal law relations.

**THE GROUNDS AND CONDITIONS FOR THE ONSET OF CIVIL LIABILITY
OF THE CARRIER UNDER THE CONTRACT OF CARRIAGE OF GOODS BY ROAD**© 2019 **Idrisov Hussein Vakhaevich**

Candidate of law science, associate professor of the department of civil law and procedure
Chechen State University
E-mail: huseyn23@rambler.ru

© 2019 **Serieva Hava Magomedovna**

Master's degree student, faculty of law
Chechen State University
E-mail: hserieva@mail.ru

The article deals with some problems arising in the process of proving the guilt of the carrier under the contract of carriage of goods by road, in the framework of bringing it to civil liability. In addition, the article reflects and evaluates the judicial practice on the application of legislation in relation to the field of legal relations, identified and analyzed some gaps in the current legislation in the field of legal regulation of the contract of carriage of goods by road and proposed solutions to the problem.

Keywords: contract, transportation, cargo, responsibility, act, Civil code of the Russian Federation.

References

1. *Gorev A.E.* Freight road transport: textbook for students of higher educational institutions/ 5th ed., Rev. M.: ID Academy, 2008.— 288 p.

2. Civil code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 № 14-FZ // Electronic resource // ATP «Consultant Plus». URL: www.consultant. EN (date accessed: 09.07.2019).
3. *Elizarov V.A.* Transport law: textbook / 8th ed., DOP. and pererab. M.: Justicinform, 2015.— 592 p.
4. Resolution of the Government of the Russian Federation of April 15, 2011 № 272 «On approval of the Rules of carriage of goods by road» // Electronic resource // ATP «Garant» // URL: www.garant. EN (date accessed: 09.07.2019).
5. Resolution of the Eleventh arbitration court of appeal of 23.05.2013 in case no. A72–9184/2012 // Electronic resource // ATP consultant Plus. URL: www.consultant. EN (date accessed: 01.07.2019).
6. Resolution of the Presidium of the HAC of 14.12.2010 № 9587/10 in case № A31–6093/2009// Electronic resource // ATP «Consultant Plus». URL: www.consultant. EN (date accessed: 06.07.2019).
7. Federal law of 08.11.2007 № 259-FZ (ed. from 30.10.2018) «Charter of road transport and urban land electric transport» // Electronic resource // ATP «Consultant Plus». URL: www.consultant. EN (date accessed: 07.07.2009).

PROBLEMS OF DETERMINATION OF THE CONDITIONS OF EXECUTION OF CIVIL LIABILITY OBLIGATIONS

© 2019 **Agaronyan Roza Karapetovna**
graduate student

Samara State University of Economics, Samara, Russia
E-mail: roza.agaronyan91@mail.ru

The article presents the problems of determining the conditions for the performance of a civil liability. The sources were analyzed in which the requirements of the proper fulfillment of civil and legal obligations are fixed. These include: obligations, law, other legal acts, customs, or other commonly imposed requirements. Specific conditions for the proper fulfillment of obligations, which are aimed at the termination of obligations and which are: an appropriate person; proper performance with a plurality of persons in the obligation; proper place; proper subject; certain term; proper way to fulfill an obligation. The analysis allowed us to highlight the signs of conditions for the fulfillment of civil obligations and formulate its definition.

Keywords: civil liabilities; performance of a civil liability; adequate fulfillment of a civil liability; conditions of performance of a civil liability.

THEORETICAL AND LEGAL ASPECTS OF MEDIATION FROM THE POSITION OF FUNCTIONAL THEORY

© 2019 **Fastova Marina Andreevna**

Candidate of legal sciences, associate professor of department of civil law, Faculty of law
The Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
E-mail: romanenkoma82@mail.ru

© 2019 **Ivanova Tatyana Mihailovna**

Senior lecturer of the department of theory and history of state and law, Faculty of law
The Astrakhan State University, Astrakhan, Russia
E-mail: krohmalt@mail.ru

The relevance of the theoretical and methodological concept of mediation is determined by the

exceptional importance of human rights problems in the socio-economic, political, legal and spiritual spheres of our society, as well as the contradictory, conflicting state of social relations, especially aggravated during the periods of reforms and innovations. Due to the fact that mediation is a complex multidimensional social and legal phenomenon, its theoretical and methodological concept is based on a complex scientific structural and functional orientation, which consists in the study of this General legal Institute as an integral object not only from the legal, but also from the General conflict of laws, social, economic, psychological positions. Such a process of cognition requires the use of a comprehensive methodology, allowing mediation to be considered as a complex system that reveals itself through structural and functional analysis. This article is devoted to the analysis of mediation from the position of the functional theory as part of the structural and functional analysis. It is with the help of functional analysis that the essence of mediation as a General legal institution is revealed, the interrelations of the subjects of mediation relations are revealed, allowing to investigate these relations comprehensively. The article presents a comprehensive analysis of mediation functions from the perspective of sociology, law and Economics. Many of the functions that are distinguished by representatives of different scientific fields coincide in their semantic meaning (for example, information, communication, etc.), in this connection, it is necessary to develop a single classification that takes into account the diversity of mediation and characterizes it as a General law institution. The functional approach allows to study more deeply the long process of emergence and development of mediation, emergence of its various types, types, forms in different spheres of public relations, i.e. process of formation and evolution of mediation. The study of mediation from the position of functional analysis is achieved including by the synthesis of scientific aspects developed by various branches of knowledge, the introduction of scientific tools used by several Sciences while using to solve a specific problem, which ultimately led to the development of theoretical models of mediation. However, the article sets out the task of studying mediation not in isolation, but in interrelation with other legal phenomena, both derived from it and catalyzed its development, as well as in comparative interrelationship with its evolution and regulation in other legal systems.

Keywords: mediation; theory; functions; analysis; theoretical model; information; social relations; subject; legality.

References

1. *Abdullina S. V.* Social phenomenon of mediation: Diss ... kand.sociology.sciences'. Ufa, 2011. 160 p.
2. *Brodsky, M. N., Brodsky G.M.* law and Economics: investment advice.— St. Petersburg: JSC «Printing house «Pravda», 1999.— 496 p.
3. *Glotov M.B.* Social institution: definition, structure, classification. // Sociological research, 2003. No. 10. C. 13–19.
4. *Donchenko E. A., Titarenko T.A.* Personality: conflict, harmony.— Kiev: Publishing house of the Kiev state University, 1989.— 580 p.
5. *Zaprudsky Yu. G.* Social conflict (political analysis).— Rostov: Type, 1992.— 586 p.
6. *Merton R.* Social theory and social structure. / R. Merton. M.: AST: AST MOSCOW the GUARDIAN, 2006, 873 p.
7. *Tikhomirov Yu. A.* legal conflict.— Moscow: Yurist, 1994.— 189 p.

INTERNATIONAL LAW; EUROPEAN LAW

THE CONCEPT OF ARMS AS GOODS IN INTERNATIONAL TURNOVER© 2019 **Kutafina Violetta Valerevna**

graduate student

Moscow State Law University O. E. Kutafin (Moscow State Law Academy), Russia, Moscow

E-mail: kviolettav20@yandex.ru

This article is devoted to the definition of weapons in international public law. The author analyzes the norms of Russian legislation and international law on the issue of international arms trade. It is noted that the use of the provisions of the International Arms Trade Treaty developed by the United Nations will eliminate gaps and contradictions in the national arms legislation and the practice of states in the development and supply of military facilities.

Keywords: weapons, weapons, military-technical cooperation, international arms trafficking

**REGARDING THE POSSIBILITY OF APPLYING THE AMERICAN EXPERIENCE
IN PART OF THE RESPONSIBILITY OF GOVERNMENT BODIES
AND CORPORATION MEMBERS IN RUSSIAN LEGISLATION**© 2019 **Militskaya Kristina Nikolaevna**

Master of law, graduate student

Samara State University of Economics, Samara, Russia

Lecturer of the Department of civil law and procedure

Orenburg Institute (Branch) of Moscow State Law University named after O.E. Kutafin, Orenburg, Russia

E-mail: 123as2012@list.ru

This article considers the American experience in building corporate legal relations in the area of responsibility of participants in corporations and its governing bodies. The analysis of the Powell test criteria and the “duty of loyalty” doctrine, the possibility of borrowing certain provisions of the doctrines by Russian legislation, are carried out.

Keywords: conscientiousness, corporate relations, responsibility of participants of corporations, responsibility of directors.